

18+

Бадим Богданов

Книга Небытия

Вадим Богданов

Книга Небытия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937716

ISBN 9785005321343

Аннотация

...потому что так всё и было...Сначала к этому эпиграфу относишься с недоверием, удивляешься авторской самоуверенности: ну откуда же тебе, человеку, живущему в 21-м веке, знать, как оно было в 12-м?!. Но... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПЕРЕКРЕСТОК 1 – НАЧАЛО	5
Глава ПЕРВАЯ	38
ПЕРЕКРЕСТОК 2	95
Глава ВТОРАЯ	115
ПЕРЕКРЕСТОК 3	146
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Книга Небытия

Вадим Богданов

*Эта книга не претендует на историческую
достоверность. Все так и было.*

© Вадим Богданов, 2021

ISBN 978-5-0053-2134-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРЕКРЕСТОК 1 – НАЧАЛО

Страшное место эта ваша Святая земля – сады, поля, пастбища, горы, пустыни, неприступные скалы, оазисы – везде смерть. А люди? Христиане, мусульмане, недобитые кочевники-язычники, беглые персы-огнепоклонники, евреи, греки, армяне – всякая шваль. Вера? Чья? Христиан: византийцев, католиков, тамплиеров, поклоняющихся то ли дьяволу, то ли собственному заду? Мусульман: шиитов, суннитов, исмаилитов, бешеных ассасинов в горных крепостях? И время. Время – двенадцатый век, обычное поганое время, когда не знаешь, что легче: жить или умереть, – и понимаешь, что самое правильное – не рождаться.

Вот вам. Это все. Место, люди, вера и время. Поверьте, этого достаточно, чтобы заварить адскую кашу. А потом расхлебать ее с аппетитом. Или оставить как есть. Для других. Для вас.

Средиземное море, восточное побережье. У моря гордые крестоносные государства: Королевство Иерусалимское, княжество Антиохия, графство Триполи. Кусок христианского мира, выхваченный почти сто лет назад со стола диких сельджуков. Обетованная земля, существующая милостью венецианских торгашей и силой рыцарских банд. Благословенный край, подобно неповоротливому медведю огрызаю-

щийся на укусы своры мусульманских псов и теряющий клочок за клочком из своей выгоревшей шкуры. Теряющий безвозвратно.

1143 год. Имад ад-Дин Зенги с армией правоверных захватил Эдессу. Армии короля Конрада III и Людовика VII, пришедшие на выручку из Европы, были биты поодиночке. Эдесса осталась у турок. Три короля – Германии, Франции и Иерусалима – решили ударить на Дамаск, но правитель Сирии объединился со своим старым врагом, сельджукским князем из Алеппо. Великий поход, прозванный позднее Вторым крестовым, окончился ничем.

1152 год. Войска Нур ад-Дина огнем и мечом прошлись по графству Триполи, оставляя за собой россыпи трупов и развалины крепостей.

Так было. Яростные набеги египтян, сирийцев, сельджукских князьков сменялись шаткими перемириями и новыми набегами. Крестоносные государства шатались и разваливались под ударами легкоконных орд, в сварах и дрызгах королей, князей, баронов. В мире существовала только одна сила, способная укрепить и сохранить завоеванное паладинами прежнего века, но сила эта преследовала другие цели – странные и непонятные.

«Тайное рыцарство Христово и Храма Соломона», Орден рыцарей Храма – тамплиеры. Суровые, надменные и неистовые воины, бойцы, спаянные жесткой дисциплиной, профессионалы войны, жестокие и коварные. Аскеты, накопив-

шие несметные богатства. Отравители, врачующие больных и увечных. Монахи, справляющие обряды, неизвестные святой католической церкви. Ученые, колдуны, идолопоклонники, идущие своим путём, тайным, недоступным разумению непосвященных. Предатели, карающие предательство смертью... Тамплиеры.

– Злой! Отпусти меня, Злой... дай уйти, я уйду и все... все.

Человек говорил с Богом – давно, может быть неделю, может быть – всю жизнь. Он бредил. И умирал. Но Бог не отвечал ему. Никогда. Бог был злым – ему не нужны были мертвые, только живые.

– Падальщик!

Человек дернул ногой. Падальщик, переваливаясь, как клуша, отошел в сторону. Он щелкнул клювом и обиженно захохотал. Падальщик любил мертвых.

Человек приподнял голову. Поводил черными гноящимися глазами. Перевернулся на спину.

На него текло небо. Небесная твердь расплавилась и текла на землю, как медь, – человек помнил расплавленную медь. Это было в Эдессе. Горел храм Святого Луки. Медная кровля расплавилась и потекла. Как сейчас. Или потом, когда осаждали Дамаск. Струя расплавленной меди разбилась о шлем Щербатого Жофруа.

Человек закрыл глаза.

– Злой, отпусти меня, у меня Ее нет – ты же видишь. Дай мне уйти, дай уйти и все...

Бог не ответил человеку, он никогда не отвечал ему.

Человек попробовал ползти.

Земля утекала в небо. Струился песок, камни, скалы где-то вдалеке. Они изгибались, как языки пламени. Белые и ослепительные, как небо. Пустыня горела и плавилась. Она испарялась в небо. Она исходила жаром. Как труп – человек вспомнил трупы... так труп исходит зловонием. Эта земля умерла, и Бог не любил ее.

– Ладно, Злой, ты не отпускаешь меня – значит я уйду сам. Сам... и ты... хоть ты и Злой... Не все здесь в твоей воле. Как ты этого не поймешь... – человек пошарил рукой на груди. Там у него был стилет, тонкий, трехгранный, такой, от которого почти не чувствуешь боли. – Смотри, Злой, и попробуй что-нибудь сделать. – Человек часто говорил так, но Бог никогда не отвечал ему.

Человек все еще искал в грязных лохмотьях... Стиллет действительно был там, но очень давно, неделю или целую жизнь назад.

Пальцы человека вдруг ткнулись в боль. Человек тут же вспомнил ее, глухую, привычную, почти незаметную. Пальцы почувствовали влагу. Человек забыл о стилете, о боли, о Боге – он вспомнил воду.

Человек оттянул лохмотья и увидел рану – серое развороченное мясо. Мясо тускло сочилось вязкой слизью. В ране

было что-то мелкое и белесое. Человек подцепил его пальцем и поднес к глазам – это был червь.

Человек улыбнулся. Он хотел что-то вспомнить и забыл.

Человек очнулся от того, что кто-то теревит его ногу. Он хотел пошевелить ею, но не смог. Падальщик ударил клювом и пробил толстую воловью кожу. Сапог стал наполняться кровью.

Человек вспомнил, что жив. И догадался, что сейчас умрет. Падальщик не был злым, он любил мертвых.

Потом человек вспомнил звук – так стучат копыта. Человек вспомнил людей – от них всегда боль. Люди берут его, переворачивают, трогают, тормошат – от них очень больно. Человек хочет умереть, но вспоминает воду – так он пьет.

– Это франк. Что будем делать с ним, брат Большой?

– Возьмем с собой – в Мехте продадим Аслиму. Пусть живет. Брат Безымянный, сажай его на свою заводную, на ней меньше груза.

Брат Безымянный перевязывает человеку раны, разжимает зубы – на воспаленный, распухший язык падают несколько обжигающих ледяных капель. Капли растворяются, уходят – после них остается прохладная пустота.

Человека поднимают в седло, притягивают кожаными ремням. Ему больно, но он улыбается. Он опять проиграл. Бог протянул ему свою руку. Бог не дал ему умереть.

– Ты обманул меня, Злой, перехитрил. Ты не хочешь отпустить меня... ты, Злой! – Человек снова говорил с Богом –

он бредил. И Бог ответил ему. Бог отвечал всегда.

– Ты еще не сделал того, что должен. Сделай – и ты умрешь.

Брат Безымянный вез франка на своей второй лошади, он вел ее в поводу, рядом.

Человек бредил. Он говорил с Богом, а слушал его брат Безымянный. Безымянный слушал долго, не пропуская ни одного слова. А потом подозвал брата Среднего, тот знал латынь.

На привале они подошли к брату Большому.

Брат Большой был старшим из братьев. Он был самым мудрым, он слушал недолго.

– Этот франк одержим Чашей. Я встречал одного такого в войске гяуров... давно. Мы не повезем его в Мехт – он знает слишком много. Он – воин Чаши. Я покажу его Старцу Горы.

Брат Безымянный покачал головой.

– Старец слишком много стал думать о власти, больше, чем о служении Аллаху, брат Большой. Он может использовать новое знание во вред, – брат Безымянный всегда отличался осторожностью. – Но, может быть, я не прав?

Брат Большой задумчиво посмотрел на бормочущего свои странные слова изможденного человека, на франка.

– У нас будет время подумать об этом: путь долог. Дело Аллаха ждет нас в Аль-Хадже.

Братья тронулись в путь. Человек ехал с ними – иногда он

открывал глаза и видел всадников. Один из них часто обращивался к нему, и тогда человек видел голубые глаза, узко посаженные из-под зеленой чалмы.

Они называли себя «руки Аллаха» – они творили его волю. Их было десятеро – два раза по пять, две руки – десять пальцев, десять воинов-побратимов – два отряда по пять человек. Две руки. Часто они действовали отдельно друг от друга, иногда вместе.

У них не было имен, только прозвища. Они родились в разных странах, но все служили одному Богу. Для простоты и чтобы не смущать непосвященных, в этом месте и в это время они называли его Аллахом.

Братья пробирались через пустыню уже несколько дней. Франк поправлялся – нутро его было жилистым и крепким, как удавка, силы быстро возвращались к нему. Он больше не говорил с Богом – он выжил. Братья не спрашивали его ни о чем – Франк молчал. Франк ничего не просил – ему перевязывали раны, его кормили. Он благодарил за доброту молча. Братья уважали его отрешенность. Ему давали по несколько капель бальзама, тогда он спал прямо в седле, это был хороший сон – франк выздоравливал.

Прошло еще несколько дней.

Потом был оазис Аль-Хадж. Человека оставили с запасными конями за холмом. Братья вернулись скоро. Потом человек лежал на траве. Потом закапывал вместе с братьями

трупы. Трупов было много, больше двух десятков – братья были хорошими воинами.

Человеку дали коня одного из закопанных. На лошадях других поместили какую-то поклажу. Медленных верблюдов оставили в оазисе.

На дневку остановились в небольшой котловине. Человек окунулся в жаркое душное марево – это был сон.

– Йал-ла! Йал-ла! – человека рывком выбросило из дремы, он вскочил...

Засада была устроена мастерски. Кругом визжали, выли – бешеные копыта взбили песчаную пыль – в лицо метнулась ослепительная сабля. Человек нырнул в сторону, бросился под брюхо лошади. Конь взвился, всадник вылетел из седла с разрубленным лицом – его достал брат Безымянный, только другой, из второй руки. Человек подхватил саблю убитого.

Вокруг рубились братья. Кто-то уже успел вскочить в седло. Нападавших было больше, но и умирали они быстро: братья были хорошими воинами.

Человек тоже зарубил кого-то, потом прикрыл спину одному из братьев, потом конник сбил его с ног. Человека подхватил брат Большой. Потом пришлось отбить двуручный меч, потом снова. Человек посмотрел в лицо нападавшему и узнал его.

– Годфрид! Ты?!

Лицо нападавшего исказилось.

– Ты еще жив, предатель! – тяжелый меч смел гибкую сабельку, бросил человека на землю, – Умри, пес, ты продал Храм! – Меч поднялся.

Человек закрыл глаза – давай! Над ним что-то резко щелкнуло. Брат Безымянный, на этот раз тот самый, отбросил разряженный арбалет и снова взялся за меч.

Человек вскочил – теперь он знал своих врагов, он узнавал многих. Сабля в его руках запела. Так учил драться Рыбак – на пределе. На пределе собственных сил и сил стали, так, чтобы клинок звенел – звенел, бился, вибрировал, как живой, пел не умолкая, так чтобы казалось еще чуть-чуть и сталь не выдержит бешеного напряжения, взвизгнет в последний раз и разлетится осколками. Клинок должен петь – только тогда сталь рассекает сталь.

И человек начал бой. Он разрезал норманнские кольчуги под белыми бурнусами, крошил арабские шлемы, опутанные слоями тонкого шелка. Его противники призывали кто Бога, кто Аллаха и умирали, скрючиваясь в белой пыли. Его несколько раз ранили – это были хорошие, добрые раны, из них текла кровь, а не гной. Потом человек увидел, что брат Мизинец опустился на колено.

Человек прикрыл его стальным вихрем, поддержал одной рукой... Человека залила чужая кровь. Потом оказалось, что врагов больше нет. Человек понял, что не может стоять, он неловко оглянулся – если он упадет, то уронит брата Мизинца... К ним подскочили братья, подхватили обоих, бережно

уложили.

Брат Мизинец захрипел, он протянул руку – брат Большой сжал ее.

– Не отдавайте франка... он теперь... брат – кровь смешалась.

Брат Большой успокаивающе погладил слабую ладонь.

– Да, он теперь наш брат. Брат по крови.

Брат Мизинец закрыл глаза – он умер.

Брат Безымянный и брат Большой бродили по месту схватки.

– Брат Большой, посмотри сюда, – брат Указательный левой руки опустил на песок и откинул ткань с лица одного из нападавших. – Узнаешь?

– Да, брат, это Хуршах, я видел его в Бениасе, он верный пес аль-Джеббеля, Старца Горы.

– А это?

– Тогран – сотник Старца, его прислали из самого Аламу-та. Все эти люди отборные федаи. А здесь – смотри, брат, это гяуры. Гяуры, чтоб я сдох! – Брат Указательный чуть не подпрыгнул на корточках.

– Годфрид де Ферн, сановник Храма. А это? Брат Безымянный, ты узнаешь кого-нибудь?

– Да, многих. Я не знаю имен, но все они тамплиеры.

Брат Указательный снизу вверх посмотрел на старших братьев.

– Аль-Джеббель опять столкнулся с храмовниками,

не иначе. А мы хотели ехать к нему в Алейку.

Брат Большой опустил глаза. Безымянный положил руку ему на плечо.

– Опасно не то, что Старец в сговоре с Орденом, а то, что он выступил вместе с ним против нас. Не думал я, что он когда-нибудь осмелится на это. Храмовники и хашишины – две самые большие силы на этой земле. Их стоит опасаться. Но, что связало Аль-Джеббеля и Великого Магистра? Ведь Старец совсем недавно отобрал у Храма крепость Апомею. Магистр должен быть зол, как семеро дьяволов.

– Чаша. И храмовники, и Старец рвутся к Чаше. Они еще не нашли ее, и поэтому они вместе. Когда найдут – вцепятся друг другу в горло, – брат Большой отвернулся. – Мы должны найти ее раньше. И мы найдем ее.

Костер бросал короткие багряные отблески на лицо франка. Франк лежал в центре мятущегося светлого круга. Раны его были перевязаны, в голове бродили терпкие дурманящие снадобья. Он проваливался в бездонную черную яму, он кружился на багряной огненной карусели. Он внимал каждому шороху вокруг, каждому всполоху огня, каждому вздоху собравшихся возле него братьев. Он не видел их, они стояли за гранью света. Только когда новая охапка сухой травы ложилась в костер, и пламя взметалось выше, резкие провалы багровых теней обозначали контуры их лиц.

– Кто ты, человек?

– Я воин и слуга.

– Кому ты служишь?

– Тому, чей приход предсказан.

– Кто он?

– Спаситель. Он придет последним пророком в этот мир и приведет его к Доброму, к Богу.

– Кто твой Бог?

– У него нет имени, он не изрекаем, он идея и первопричина, он непостижим. Он – Доброта, он – Любовь, он – Разум. Он – бесконечность и отстраненность. Он бесплотен и поэтому противен злу.

– Что есть зло?

– Все сущее – зло, материя – зло, создатель сущего – зло. Зло правит этим миром – бог его Злой.

– Что уничтожит зло?

– Чаша. Она призовет в мир Спасителя. Я должен найти ее.

Люди за пределами света молчали.

– Ты знаешь кто мы?

– Братья.

Снова тишина, только шумит пламя. Потом человек слышит голос – это брат Большой из правой руки.

– Было семь великих пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Магомет и Исмаил. Каждый из них прожил жизнь, выполнил волю Аллаха и ушел. И вот настал срок

прийти в мир восьмому и последнему из великих. Восьмым будет пророк Махди. Это ему предстоит вершить суд над живыми и мертвыми, это ему предстоит победить Аримана и привести избранных в царство Мира и Разума. Это его называют Спасителем.

– Мы – руки Аллаха, мы творим его волю. Мы оружие его на земле. Мы ищем Чашу. Ты, франк, сражался сегодня с нами, ты убивал наших врагов, ты смешал свою кровь с кровью нашего брата. Ты воин Чаши. Руки Всевышнего свели наши пути воедино. С правой руки убит брат Мизинец – согласен ли ты, франк, заменить его? Согласен ли ты идти нашим путем? Согласен ли ты стать нашим братом?

– Да...

Багряная карусель опрокинулась и стала бездной.

– Да.

Желтое пламя облизало небо языком бешеной собаки.

– Да!!!

Костер выл и гудел, перемалывая кости травы выщеренными углями. А Злой тихо смеялся на самом дне бездонной ямы и временами заслонял звезды.

– Ты их тоже предашь. Предашь... Непременно предашь. Ты принесешь Ее мне. А я за это убью тебя. – Злой покатывался, ему было весело. Злой не был человеком, всего лишь богом. Река времени неслась мимо него.

В бывшей мечети аль-Акса, под боком дворца короля

иерусалимского, у церкви гроба Господня, на месте где, по преданию, находился храм Соломона, собрался капитул «Тайного рыцарства Христова».

Воистину тайной были исполнены дела Христова воинства. В черной комнате глухого ноздреватого камня, с окнами, обращенными во тьму, и дверьми, ведущими в подzemелья, застоявшийся воздух содрогался от слов, произносимых людьми в белых одеждах. И тени в ужасе метались по углам, прячась чадящего огня, боясь, что заметят их, невольно подслушавших тихие голоса людей, несущих мечи и кресты цвета крови.

Их было шестеро – этих людей. Шестеро высших сановников Храма. Великий Магистр, сенешаль, маршал, главный капеллан, казначей и прецептор. Не хватало одного – седьмого.

О многом говорили сановники. О деньгах, что пожертвовал Ордену Генрих Плантагенет, во искупление убийства им Томаса Бекета. О новых кораблях, заложенных на верфи в Яффе. О потерях и добыче. О пожаре в сидонском госпитале. О связях с Киликией. О новой папской булле и о старых конфликтах с клиром. Говорили о политике, о пути государств, о королях-марионетках. Говорили о жизни и смерти. Об убийствах и предательстве. Говорили о вещах, за которые мать католическая церковь сжигала на кострах. О многом говорили сановники, об одном лишь молчали – ждали, когда заговорит Великий Магистр...

– Годфрит де Ферн... Где он? Что с его отрядом? – взгляд Магистра остановился на маршале.

Маршал поднялся, с шумом отодвинув тяжелый стул.

– Последнее его письмо было из Алейки. Я уже докладывал об этом. Соглашение с Аль-Джебелем достигнуто. Де Ферн писал, что он с отрядом ассасинов приступил к выполнению миссии. Еще он упоминал о каких-то «пальцах Аллаха», которым известна тайна Чаши... После этого, вот уже семь месяцев, от него нет никаких посланий. Я не знаю что с ним, – маршал замолчал, но остался стоять под перекрестными взглядами пятерых.

Заговорил главный капеллан.

– Я прошу разрешения недостойному слуге Храма обратиться к великому капитулу, – капеллан посмотрел на Магистра, тот кивнул. Капеллан помолчал, словно собираясь с мыслями. – Мои уши многое слышали сегодня. О многом говорил я сам. Много вопросов стоит перед орденом Храма, много задач предстоит решить нам, его служителям. Много забот навалилось на плечи наши. И, слушая превеликое множество слов, произнесенных сегодня, с ужасом вдруг подумал я, что о главном не было сказано нами ни одного слова. Неужели, – подумалось мне еще, – под гнетом дел, больших и малых, в суетности дней наших, забыли мы о единой великой цели, служить которой призвал нас Господь? Неужели забыли мы, для чего создано Великое воинство Христова? Забыли мы – высшие сановники Храма. А что же тогда

говорить о простых братьях, не посвященных в тайны Ордена. Воистину гордыня и спесь застилают глаза наши. К мирскому обращены души наши, души, коим сам Господь велел блюсти чистоту, вести жизнь светлую. Ибо великой цели служим мы! Воистину Великой! – Капеллан остро глянул на маршала. – И вот теперь, когда дошел черед до разговора о миссии, ведущей к достижению нашей цели, о чем слышим мы? Маршал не знает, что случилось с отрядом наших братьев, с членом капитула, с людьми, отправленными на поиски... – капеллан многозначительно осекся. – А вы сами, вы, маршал, пробовали найти Годфрида де Ферна и его отряд? Что вы сделали для их поисков за эти полгода? Что доносят осведомители, которым мы платим огромные деньги? Что?

Капеллан обычно не вмешивался в вопросы тайных миссий Ордена, но он хотел посадить на место маршала своего брата. Об этом знали все. Лицо маршала побагровело.

– Где прикажете его искать? В горах Ливана, в сирийских пустынях, в Египте, в Аравии, в Иране? Миссия могла привести его куда угодно, – маршал был разъярен, но изо всех сил пытался сдержаться. – Де Ферн – надежный слуга Храма и опытный воин. Если он жив, то даст о себе знать. Наши люди предупреждены о нем. Если он объявится где-нибудь, нам сообщат. Остается ждать... и молиться, – маршал вспомнил, что он тоже монах. – Мне нечего больше добавить.

Маршал сел, положив перед собой тяжелые кулаки.

– А что, если Старец нас предал? – это сказал сенешаль. –

Аль-Джеббель мог уничтожить отряд.

– Какая корысть ему убивать наших людей? Он первый предложил союз. Он нуждается в нашей помощи. Как, впрочем, и мы в его.

Рыцари Храма молчали. Заговорил Магистр.

– В игру вмешалась третья сила. Она спутала планы наши и Старца. Старец опять вел двойную игру, он обратился с предложением союза не только к нам, но и к королю Амальрику. Джеббель пообещал, что он сам и все его приверженцы перейдут в христианство и станут верными слугами нашего короля. Какие цели преследовал Старец, делая это в высшей степени сомнительное предложение? Собирался ли выполнить свое обещание? Я не верю в это. Король поверил. Старец поставил одно-единственное условие: тамплиеры не будут собирать подати на землях исмаилитов.

– Что? Как? Подати? – Капитул был возмущен и удивлен. Возмущен больше.

– Король согласился на это условие, – продолжал Магистр. – Посланцы Старца отправились в его крепость Алейку с подарками и грамотами короля Амальрика. Но они не добрались до места. Кто-то позаботился об этом. Маршал?

– Я ничего не знаю, мой Магистр.

– Хорошо. Но король Амальрик подозревает Храм. Он требует наказания виновных.

Сенешаль нашелся быстро.

– Пусть виновным будет брат Готье дю Месниль, рыцарь, одноглазый и тупой. Он уже давно выпрашивает себе наказание: нарушает устав, болтает на каждом углу чего не следует, постоянно устраивает стычки с госпитальерами. Мы сами осудим его, а король пусть довольствуется тем наказанием, которое мы вынесем.

– Хорошо, брат, так и сделаем.

Великий Магистр Одон де Сент-Аман сказал:

– Мы не знаем, вернется де Ферн или нет. Все в руках Господа. Но кто-то должен делать его работу. Мы должны решить, кто займет место де Ферна в капитуле. – Магистр оглядел сановников. – Я слушаю ваши предложения. Сенешаль?

– Я не знаю, сможет ли кто-нибудь заменить де Ферна. Он держал в руках нити всех наших миссий.

– Главный капеллан?

– Не знаю. Нет. Я плохо разбираюсь в тайных делах. Не знаю...

Маршал криво осклабился.

– Почему бы вам не предложить своего брата, святой отец? Или искусство скрытой войны слишком мудрено для него? – старый воин отвернулся от капеллана. – Годфрида де Ферна может заменить только один человек – Жерар да Ридефор. Брат Жерар был воспитанником Годфрида. Он в курсе всех дел Ордена. Более того, де Ферн всегда смотрел на него как на своего приемника. Только Жерар сможет про-

должить дело де Ферна.

– Жерар да Ридефор слишком молод для такого поста. К тому же он недавно в наших рядах и не прошел обряда высшего посвящения. Он...

– Жерар да Ридефор достаточно зрел. Он прошел не одно сражение. Он был маршалом Иерусалима. Ему доверено много секретов Ордена, он долгое время был нашим тайным братом. Он один подготовил и выполнил миссию по похищению сына великого визиря Египта.

– Да, да, – неожиданно закивал головой казначей, – одной этой миссией брат Жерар принес Ордену шестьдесят тысяч золотых. А сколько мы получали с захваченных им караванов!

Высокий капитул смотрел на Великого Магистра. Его голос решал все. Гроссмейстер ордена тамплиеров встал.

– С сегодняшнего дня и до возвращения брата нашего Годфрида де Ферна тайными миссиями Ордена будет вестись брат Жерар да Ридефор. Я сам проведу с ним обряд высшего посвящения. Маршал, вызовите брата Жерара в Иерусалим. Главный капеллан, займитесь приготовлениями к обряду. А теперь помолимся, братья, и да услышит Господь наши молитвы.

– Пех-пех-пех... Бальбандирет! Бальбанди... пех-пех-пех... дирет! Где этот кусок шакальего помета, раздавленный белым верблюдом Митры?! Где этот паршивый огузок

дохлой овцы, сброшенной на землю светлым богом Шаншахом?! Бальбанди... А, вот ты где! Подойди ко мне, внучек, подойди к своему дедушке, подойди, мой ласковый... – Старик приторно растянул слюнявый рот шире обычного и быстро перебросил клюку в левую руку. Правой он проворно потянулся к голоштанному внучку. Ласковый внучок не стал ждать, когда жесткие шишковатые пальцы вцепятся ему в плечо. Он отбежал на безопасное расстояние и стал деловито ковыряться в пупке.

Старик в досаде плюнул и попал себе на бороду.

– Ах ты нечистый выкидыш бешеной кобылицы, покрытой крылатым богом Толбазом. Ах ты отродье матери семерых иблисов... Пех-пех-пех... – последнее ругательство дало новый поворот мыслям старика. – Если не подойдешь ко мне, я скажу твоей матери, чтобы не давала тебе жрать сегодня... И завтра тоже. Пех-пех-пех...

Эта угроза заставила внука задуматься. Он бочком подобрался поближе.

– Ты звал меня, дедушка?

– Звал, звал, внучек... Эх! – Внучек ловко увернулся от дедовской клюки. – Помоги мне добраться до... подойди, подойди, не бойся. Эть!... Вот так! – Старик с наслаждением вытянул внука вдоль спины. Внук перенес эту процедуру стойчески – палка была такая же сухая и легкая, как и рука, державшая ее.

Старик оперся внуку на плечо.

– Пойдем, Бальбандирет, навестим мертвых.

Старик и ребенок вышли за пределы оазиса. Прошли мимо двух покатых холмов, миновали соляную пустошь. Поперек пути лег узкий глубокий каньон, резкий, как резаная рана в пергаментной шкуре пустыни. Крутой тропой спустились на самое дно. Здесь не было солнца. Только змеи и ящерицы на черных камнях.

Еще здесь лежали мертвые.

Старик сел на камень, закрыл глаза. Ребенок вытянулся, посмотрел в узкое небо.

Этим костям больше тысячи лет. А это? Это моя Эфимия. Она умерла три года назад. Ты забыл ее? Нет.

Старик поджал губы, здесь ничего нельзя трогать. Мальчик улыбнулся, он держал в руках позеленевший бронзовый меч.

Это спата – кавалерийский меч. Чей он? Его народ назывался римляне. Они были очень давно. Я их не видел, мне рассказывал дед. Он сражался с ними? Да. Победил? Конечно. Время побеждает все.

Старик потер заслезившиеся глаза. Мальчик улыбнулся.

Для чего мы здесь? Чтобы ты узнал дорогу сюда. Для чего? Для меня.

Небо провернулось. Солнце легло в яму мертвых.

Старик захотел встать. Ребенок поднял его.

Пойдем – скоро наступит тьма. Как скоро? Скоро – ты застанешь ее, я, по счастью, – нет.

– Бальбандирет! Иди помоги своей матери, – к старику и ребенку подошел высокий человек, до самых бровей закутанный в темно-синюю ткань. Он освободил лицо – его кожа была сухой, как выжженная солнцем верблюжья кость. – Ты опять ходил к мертвым, дед?

– Да, внучек, да... Пех-пех-пех... – старик сощурившись смотрел вослед прытко скачущему к стоянке мальчугану. Взгляд деда ткнулся в маленький лагерь у самого родника. Возле пяти грязно-бурых шатров суетились несколько женщин. Рядом бродила скотина. Мужчины снимали поклажу с запыленных верблюдов. – Пех-пех... Скоро я уйду к мертвым насовсем – чую, внучек, чую. Жалко вот вместо себя некого мне оставить... пех-пех-пех... Нет, некого, да. Вы вернулись вовремя, Дамон.

– Ты слишком поздно взял себе ученика, дед.

Старик остро сверкнул глазами из-под клочковатых бровей.

– Ты слишком поздно смог родить сына.

Высокий человек насупился, трое его сыновей родились уродами. Он отдал их пустыне... Надо было взять себе Мириам, не ждать пока умрет Зулейма. Он сам привез Мириам в род. Старик отдал ее Гайсану... Женщин никогда не хватало на всех. Теперь сын Мириам уже взрослый воин. Но он чужой. И Мириам... Хэн!

– Надо было учить Шаншама.

– Он не из рода вождей. Ему не быть хранителем Нашего Бога, – старик протянул руку, человек подхватил ее, медленно повел старика в лагерь. – Из Бальбандирета вышел бы хороший хранитель... Да. За его мать мы положили троих родичей. Вельда этого стоит. Новая кровь взамен пролитой старой. Бальбандирет будет сильнее всех наших детей, смотри – в нем сила жизни, а они как старики перед ним. Пех-пех-пех... Только... кто же придумал это дурацкое имя?!

– Ты сам, дед, – Дамон был искренне изумлен, – ты сказал, что имя сыну вождя дает сам Наш Бог и нарек его Бальбандиретом.

– Да?.. Ну, конечно! Так и было. А как же иначе? На то воля Нашего Бога. Я и сейчас говорю... Пех-пех-пех... Мы тогда как раз встретили караван с итальяйским вином... Удачен ли был ваш нынешний поход, Дамон?

– Удачен, дед. Вернулись все.

– Хорошо... Посади меня здесь, внучек, я подожду ужина. Потом будет длинный разговор. Пех-пех-пех...

Дамон вошел в лагерь. Верблюды напоены, отправлены пастись. Добыча прибрана. Женщины готовят ужин, воины отдыхают. Дети на месте. Бальбандирет? Вот он – дерется с кем-то, побеждает. Мириам и Шаншам в стороне ото всех, говорят о чем-то, слишком тихо. Вельда? Вот она – самая красивая, женщина вождя. Вождя девяти воинов, десяти женщин и двух десятков детей, стариков, калек и уродов. Великого вождя... Хэн!

Верхние боги провернули колесо небес. Средние повеяли ветерком. Нижние дали прохладу. Когда солнце уйдет, черные боги нашьют холод. Пора поговорить.

Женщины ушли, у них есть работа. Старики выжили из ума, они здесь не нужны. Дети – прочь с глаз. Здесь только воины и хранитель.

– Бальбандирет! Останься, внучек. – Мужчины были удивлены, но не возразили. Хранитель покашлял, пожевал беззубым ртом. – Пхе-пхе... Пять дней – завтра пора трогаться с этого места.

Воины, сонные после ужина, покивали – да, пора, пора...
– Для чего нам уходить? Разве здесь плохо? Никто не знает про наш оазис, никто не найдет нас здесь. Здесь трава и вода. Зачем нам идти в пустыню? – Шаншам в первый раз говорил на совете, его голос звенел от волнения, но был тверд. Шаншам сидел в тени чахлого деревца, чуть в стороне от всех.

Хранитель покачал головой.

– Для чего ты, Шаншам, заставляешь говорить тебе старые истины? Ты не знаешь сам? Наш Бог велел нам не стоять на одном месте семь дней. Мы исполняем его волю... Пхе-пхе-пхе... За это он дает нам... дает свои дары. Пхе... Да, дары.

– Какие дары? Какие дары дает нам Наш Бог! Посмотрите вокруг! Посмотрите на самих себя! Кто мы? Кучка па-

дальщиков, подбирающих трупы, потому что не хватает сил на живых. Наши женщины рожают уродов. Наши земли – пустыня, где нет даже скорпионов и змей. Нас преследуют голод и жажда. Наши дети умирают, им нужна нормальная еда, и Наш Бог не может их накормить. Вот какие дары преподносит нам этот бог. А где-то за краем пустыни есть города, есть прекрасные земли, которые истекают молоком и медом. Но ваш бог не пускает вас туда. Почему? Потому что там люди познали Истинного Бога, единого, самого могучего из всех богов. Этот Бог не оставляет поклоняющихся ему, и жизнь этих людей легка и богата. А ваш бог...

– Замолчи! Замолчи! Отродье... – старик шипел, он задышался от ярости. – Я знаю кто напел тебе эти слова! Иудейка! – Старик затряс кулаками. – Молчите все! Сядьте! – Старик махнул клюкой на воинов. Старик глубоко вдохнул, выдохнул шумно. И, кажется, успокоился.

– Послушай, Шаншам, и вы тоже послушайте. Наша жизнь трудна, и путь наш труден. И много лишений терпим мы. Но с нами наш Бог. Он с нами. Зайди в мой шатер, посмотри на него, прикоснись к нему. Ты почувствуешь его, почувствуешь Бога. А где тот бог, о котором говоришь ты, Шаншам, где он? На небесах? Кто его видел? Говорят, тот бог велик, он творил чудеса, он кормил многих людей тремя хлебами и тремя рыбами. Говорят, он сыпал с небес крупу, из которой варят похлебку. Говорят, по воле его слуг из земли начинали бить родники... Но кто это видел? Никто, об этом

только рассказывают. А наш Бог? Разве ты сам, когда мы кочевали в пустыне и не оставалось у нас ни воды, ни пищи, не приникал к нему и не чувствовал, как наливается божественной силой твое тело? Забыл? А разве не продляет Бог наши жизни? Сколько живут на свете обычные люди? – Пятьдесят, шестьдесят лет. А мы? Нашим старикам больше ста двадцати лет. А старухам и того больше. Наш Бог с нами, Шаншам, он помогает нам. А то, что мы в ответ исполняем его заветы, я думаю, это справедливо. Ты слишком молод, Шаншам, горяч. Ты еще не видел мир. Поверь мне, те земли, о которых ты говоришь, вовсе не сочатся медом и млеком. Там кровь, боль и слезы. Поверь мне. Мир везде одинаков. А ты... Это ничего, что ты погорячился сегодня. Ты смелый воин, хороший парень. Мы найдем тебе хорошую жену... Пхе-пхе... Не хочешь наших девушек, сходим в набег – нам нужна новая кровь. Приведем тебе невесту, женишься, поклонись Нашему Богу...

– Нет, я не буду поклоняться каменному истукану, сила его от Дьявола! И насчет богов ты все перепутал, старик. И невесту мне не надо приводить, я сам уйду к ней. И только попробуйте меня остановить! – Шаншам вскочил, выхватил откуда-то из-под ног лук, наложил стрелу. На его поясе уже висела кривая сабля. – Назад, назад, падальщики! Я уйду к своему народу! – Шаншам быстро пятился, наводя лук то на одного воина, то на другого.

Старик махнул посохом.

– Возьмите его! Возьмите, не дайте уйти!

Шаншам оскалился.

– А, слуга Сатаны! Скажи, за сколько лишних веков жизни ты продал свою душу!

Шаншам спустил тетиву. Тут же бросился бежать. На краю оазиса его ждал снаряженный верблюд, рядом с ним Шаншам увидел закутанную в покрывало фигурку. Сухие тонкие пальцы вложили ему в руки поводья. Мама!

– Беги, сын. Беги отсюда. Ты помнишь, куда идти? Вот покажи этот талисман. Тебя примут... Расскажи им об их Марии. Прощай! Прощай, сын.

Подбежали воины.

– Где он?! Эх, сука, ты дала ему свежего верблюда! На!

Кто-то ударил ее глухо и не больно, не Дамон, наверное, Гайсан. Это хорошо. Мария упала. Почувствовала, как что-то растекается по груди. Во рту появился металлический вкус. Я умираю? Это хорошо. Мария еще успела посмотреть в пустыню, но верблюда не увидела. Он, наверное, уже далеко. Как хорошо! Лети... Лети, мой голубь... Мой Гозаль.

Дамон стоял рядом. Он стоял и смотрел на удаляющегося Шаншама, на Мириам. Его люди побежали к верблюдам. А он стоял и смотрел. На Мириам, на Шаншама... Они чужие. Или он чужой. Для них... Для себя... Хэн!

Когда воины погнались за Шаншамом, со стариком остался один Бальбандирет.

Мальчик подошел к деду, присел на корточки. Старик ле-

жал, опрокинувшись навзничь, остро задрав белую бороденку. На горле натянуто двигался кадык.

В груди старика торчала стрела. Наконечник был каменный, и стрела не зашла глубоко. Только до сердца. Грудь старика резко вздымалась. Стрела смешно болталась взад-вперед.

Мальчик потрогал ее за оперенье. Потянул к себе, отпустил. Стрела закачалась влево-вправо, смешно. Старик гулко закашлялся, захрипел, захлебнулся. Из рта плеснула кровь. В этот миг солнце кануло в ночь. Сразу. Безоглядно. Навсегда?

Мальчик посмотрел вокруг, подергал дедушку за рукав.
– Деда, тьма уже наступила?

Девушка кричала. Очень долго, очень хорошо, очень приятно. Очень долго – когда он отвалился, она могла только тяжело дышать, с шумом гоняя воздух сквозь чуть прикушенные губки. Пэри... Он повел рукой по ее смуглому телу. Коснулся высокой шеи, колыхнул щедрую грудь с большими коричневыми сосками, пробежался пальцами по уютным складочкам на боках; поласкал бархатный животик, мягкий, податливый; погладил обильные бедра, снаружи, внутри... Его пэри вздрогнула. Потом... он будет любить ее потом, а сейчас его ждет Аль-Джеббель, Старец Горы.

– Достаточно ли ты отдохнул после дальней дороги, о гость мой, посланец имама, великий дей Касым ад-Дин ибн

Харис? – человек, стоящий возле шестиугольного, усыпанного свитками стола, был высок, голос его был полон почтения, но голова, повязанная зеленой чалмой, едва склонилась.

– Да, о мой радушный хозяин, в объятых твоих гурий забываешь об усталости... но не о деле, – Касым выпрямился, – Я проделал долгий путь от крепости Аламут в Иране до крепости Алейка в Ливии. Меня послал к тебе сам имам Гасан, и нам нужно о многом поговорить. О многом, Аль-Джеббель.

И они говорили о многом, эти два человека, в небольшой светлой комнате, пестрящей коврами и шелковыми подушками, в уютной комнате за высокими белыми стенами неприступной крепости Алейки, затерянной в Ливанских горах.

– Ты заключил договор с неверными, Джеббель?

– Да, во имя Аллаха. У тамплиеров большая сила, их выгоднее иметь в союзниках, чем в недругах. Мы сильны на Востоке, они на Западе. Мы нужны друг другу. Сказал мудрец: найди себе сильного друга и станешь сильным сам.

– Где Тогран, Джеббель? Мы отправили его на помощь к тебе из самого Аламута. Прошло больше года, как он пропал в твоих землях.

– Тогран погиб. Как и многие мои воины. Погиб за дело Аллаха. Не было бы смерти – не было бы и героев. Без жертвы нет воздаяния.

– Ты пустил в его отряд храмовников, Джеббель, они могли предать его.

– Храмовники не нарушают своих договоров. Они сильны. От силы правдивость наша, от слабости ложь. С ними единственными из гяуров можно вести дело. Тамплиеры погибли вместе с нашими федаи. Мы нашли их тела в пустыне.

– «Руки Аллаха» пропали неизвестно куда. Мы не можем найти никого из «пальцев». Все произошло в одно время. Слишком много странного произошло в твоей стороне, Джеббель. Поступки твои непонятны имаму. Твои собственные дела, похоже, заботят тебя больше, чем дело Аллаха. Что ты ответишь на это? Кстати, почему тебя называют «старцем», ведь лет тебе вряд ли больше чем мне?

В уютной комнате, среди ковров и подушек царило молчание. Но недолго.

– Возраст измеряется не только годами, но и мудростью, Касым. Говорят, в Аламуте сейчас беспокойно. Наш глава Гасан Второй, да продлит Аллах его дни, объявил себя сразу халифом, имамом и даже последним великим пророком Махди – одновременно. Говорят, не всем это пришлось по нраву. Говорят, это слишком много для одного человека, даже для внука Гасана ибн-Саббаха. Многие деи и простые федаи недовольны. Иран далеко, Касым, но я думаю, поддержка даже из такого удаленного и незначительного уголка, как Алейка, будет полезна имаму. Что ты ответишь на это?

В уютной комнате за неприступными стенам в самом сердце Ливанских гор два человека молчали. Но не долго.

– У тебя хорошие воины, Джеббель... Имам нуждается

во всех своих слугах от дея до федаи. Делу Аллаха, Джеббель, понадобятся и твои мечи, и твоя мудрость. И чаша...

Аль-Джеббель вздрогнул. Два человека поднялись.

– Да будет так, во имя Аллаха, Касым. Я помогу имаму всем, что имею, для друга – сердце, для врага ум... Кстати, о моих мечях – ты еще не видел райского сада Алейки. Во многом благодаря ему верность моих воинов делу Аллаха становится крепка как камень, а их бесстрашие и презрение к смерти вызывают ужас у наших врагов.. – Аль-Джеббель повлек Гасана за собой.

– Что? Ты устроил для своих федаи «рай» как в Аламуте?

– Да, о Касым, и с одной из его гурий ты уже успел познакомиться.

– Я бы не прочь встретится с ней еще раз, тем более, что наверняка для входа в твой рай-джанну не нужно проходить по мосту, толщиной с волос. Правда, некоторые мудрецы пребывают в сомнении – испытывают ли души в раю плотские утехи или только духовные. – Касым уже улыбался, дела завершены, и довольно удачно, великий дей расслабился.

– Зато другие мудрецы, – подхватил улыбку Джеббель, – дают бороду на отсечение, что у райских гурий к утру восстанавливается девственность. Но я думаю, нам нет нужды вступать в любомудрые споры, тем более, вот он райский сад Алейки. Проходи, мой гость, я позабочусь обо всем.

Касым опустился на мягкое ложе среди розовых кустов и жасмина. Здесь были тень и прохлада, текли ручьи из шер-

бета, и нежные струны невидимых музыкантов услаждали слух. С небес спустилось сладкое облако пьянительных воскурений. С Касыма сняли одежды, прикосновения гурий были лепестками роз, ласкающими тело. Кричала девушка. Долго, хорошо, приятно. Потом были еще девушки и еще. И еще...

Шейх Аль-Джеббель поднялся на стену. Ветер, вот что ему нужно. Бешеный ветер, чтобы прочистить мысли – рассчитать, взвесить, решить. Пусть будет ветер. Чаша была так близко и опять ушла. Куда? Если знать... Ему нужно время. Сколько? Кто знает... Ему нельзя сейчас ссориться с Аламутом. Нужно время. Он найдет чашу и станет имамом, калифом, даже пророком Махди, почему бы и нет – настоящим, а не как этот выскочка Гасан. Гасан долго не протянет, его уничтожит собственная гордыня. А может, его убьет рука федаи? Но кто осмелится вложить в эту руку кинжал? Я знаю... У Гасана есть сын Мухаммед. Мухаммед Второй, почему бы и нет... Нельзя допускать раскола в лагере хашишинов. Труднее будет собирать силы ордена... потом, когда я стану имамом. И Чаша... Гасан тоже знает о ней, этот его пес, дурак Касым, проговорился. Или он так уверен в своих силах? Тем более дурак...

Касым очнулся на гнилой циновке в сырости и смраде. Во тьме. Руки его были скованы. Он попытался встать, что-то полыхнуло в его голове, он упал.

Касым очнулся, скрученным в жестких руках тюремщиков. Его волокли по каменному коридору. Касым напрягся, хотел вскочить, сбросить с себя... Что-то отняло у него дыхание, взгляд потерялся в мутной мгле, Касым обмяк.

Касым очнулся подвешенным на цепях, с него стекала вода. Вокруг трещали факелы, колченогая жаровня сыпала снопы искр. Аль-Джеббель стоял перед ним.

– Собака! Как ты смеешь, Джеббель! Ты... вероломный... ответишь! Тебя сотрут... Гасан...

– Гасан далеко. Ему осталось недолго. Скоро у хашишинов будет новый глава, более скромный. Он не будет объявлять себя имамом, халифом, великим пророком. Его научит пример отца.

– Ты... собака...

– Успокойся, Касым, ты еще можешь пожить и без имама Гасана, почему бы и нет... Ответь на мои вопросы. Что ты знаешь о чаше, о великий дей? Что знает о ней Гасан? Ну, отвечай.

– Ты не услышишь... не дождешься... Собака!

– Ну, что ж, Касым, я подожду. Вряд ли ты знаешь очень много, но я подожду.

Джеббель отвернулся, вышел из комнаты. За его спиной раздался отвратительный визг. Как будто резали нечистое животное, свинью. Долго, очень долго.

Глава ПЕРВАЯ

Святая земля. Святое небо над ней. Святая вода на ней. Святые люди в ней. Святые, потому что мертвые – мертвые не делают зла, только живые. Любите мертвых, люди, – они святы! Убивайте живых, чтобы полюбить их – всех. Всех...

Эти люди не боялись смерти – и убивали. Они дурманили себя гашишем и совершали подвиги. Подвиги мужества, веры и верности – они убивали. Они знали Рай при жизни. Рай, специально созданный для них в неприступных горных крепостях. Их накачивали гашишем и переносили в блаженные сады за высокими стенами. Им говорили, что они попали на небо, и они верили. И я бы поверил. Они не жили в объятьях гурий и слушали ангельские напевы. А потом просыпались на грязных подстилках на земле, на нашей с вами земле. Но они помнили свой Рай и знали, что, убив, вернутся туда, вернутся после смерти. Они торопились убить, они торопились умереть – им было плохо на этой земле, как и всем. Всем известно – после жизни наступает смерть, а что наступает после смерти? Вы не знаете – они знали и не боялись убивать.

Этих людей называли хашишины – за их приверженность к гашишу. Гяуры исковеркали арабское слово в ассасины. Кто они были – секта, воинственный орден, может государство без территории и границ? Не знаю. Они владели горо-

дами и крепостями, у них было войско и опытные командиры, они были фанатиками и несли знамя Исмаила. Они назывались федаи, что означает жертвующий за веру. Их сердце было в Иране в неприступной крепости Аламут. Ими правил имам – очередной потомок Бузург-Умида родственника Гасана ибн-Саббаха—основателя, сначала сын, потом внук, правнук и так далее до самого конца. Имам правил душами своих подданных и страхом своих врагов. Его власть была страх.

Еще при Гасане-основателе часть ассасинов перебралась в Сирию и Ливан, это были миссионеры, проповедники, воины и убийцы. Убийцы основали вторую державу ассасинов, и она быстро набрала силу. Жертвующие за веру воевали против крестоносцев, воевали против мусульман, воевали против всех – за себя. И выигрывали. В их владениях были город Бениас, множество замков и крепостей. Здесь были свои шейхи, свои правители. Аль-Джеббель Старец Горы.

Сирийские федаи держали в страхе весь Ближний Восток – кинжалы их были быстры, а яд еще быстрее. Не спасали ни кольчуги, ни толпы телохранителей, ни богатство, ни королевский род – Тир, Триполи, Антиохия уже заплатили свою кровавую дань. Кто следующий?

Вы видели Иерусалим – маленький, неопрятный, вонючий, пыльный и пропотевший – с отрогов Иудейских гор? Вы видели высокие башни и белые стены, дома с плоскими кры-

шами и щелями вместо окон? Видели королевский дворец, башню Давида, бывшие мечети и временные церкви, видели купол храма Гроба Господня?

Я тоже не видел – давно. Все это видел непонятный человек в бурой хламиде, войлочной шапке с завязками, в засаленных шароварах и сапогах с острыми носками. Голенище правого было распорото и перетянуто по икре веревкой. Человек стукнул в землю посохом и стал спускаться к городу.

Через час непонятный человек вошел в Иерусалим.

Его окликнул стражник, прятавшийся от зноя в каменной нише у ворот Давида.

– Эй, Непонятный, ты кто таков и какое у тебя дело в Святом Городе? Отвечай воину короля Иерусалимского! – стражник пошевелил копьем, чтобы Непонятный не засомневался в его воинственности.

– Я – паломник, иду поклониться Гробу...

– Ты не похож на паломника, Непонятный, – стражник снова пошевелился, но из своего убежища не выполз – в городе и окрестностях шаталось столько всякого сброда: богомольцы, попрошайки, ворье, целые толпы помешанных и просто придурков – что из-за каждого вылезать из благодатной тени на солнце было бы просто глупо... – Читай «Отче наш», Непонятный, а то получишь копьем по загривку.

Непонятный насупился, замялся... И тут на дороге слышался шум. Шум рос, крепчал, ширился... Воинственный стражник накинул на голову хауберк и подтянул побли-

же щит. В этом приближающемся грохоте его опытное ухо различило львиный рев ослов, грозное бряцанье бубенцов, пронзительный скрип колес, смачную разноязыкую ругань... и еще, на самой грани слышимости, нежное позвякивание золотых монет. К городу подходил торговый караван.

Со сторожевой башни просигналили. Из караулки у замка Давида появились еще стражники и констебль.

Караван вошел в ворота. Это был не очень большой караван, шуму было больше – десяток ослов, дюжина верблюдов, с пяток лошадей, и несколько погонщиков. Впереди на породистом вихлявом иноходце ехал хозяин.

Хозяин был тоже вихлявым и породистым – тонкая морда, узкие усики над верхней губой – губы, как два дождевых червя изгибались высокомерно и презрительно. Неимоверное количество белого шелка было смотано в его чалму и скреплено огромной золотой брошью с камнями.

Констебль вышел вперед. Не дожидаясь вопросов, вихлявый хозяин заговорил на хорошем французском эдесских барахольщиков – надменно:

– Я везу караван драгоценных товаров: пряности, ткани, кабриджата и груз чудесного растения для приготовления упоительного питья. Я немедля с большим почетом должен быть препровожден к правителю сего города и земель. А иначе мой гнев и неудовольствие повлекут наказание нерадивых слуг, ибо никогда еще ваш город и правитель не видели столь великого и знаменательного посольства, ибо я – Алам-

гир из рода Газебо, посланник великого Хиндустана, в вашем языке, Индии.

Констебль был родом из местечка Лавуаз, что под Пуатье, и многое повидал на своем веку. Он сдвинул на ухо шлем и возразил на плохом французском босяцких предместий – насмешливо:

– Ты врешь, мусульманская собака. В той стороне живут одни псиглавцы да поганые гоги и магоги. А наш король Балдуин IV – добрый христианин, чего ему говорить с посланцем проклятого Богом народа. Коли ты хочешь войти в город и торговать своими гнилыми тряпками и вонючими порошками, гони пошлину, не то я вышвырну тебя за ворота и напускаю стрел в мать-твою задницу.

– Как ты смеешь говорить так! – Благородный Аламгир из рода Газебо, надулся и сделал вид, что побагровел. Он был возмущен и страшно разгневан. – Великое перемирие было заключено между Салах-ад-Дином и вашим правителем, ты не смеешь нарушать его!.. Мое важное посольство и дары, и чудесный напиток, коего не пробовал ни один из франков!.. А если посмеешь, у меня есть воины и...

– Клянусь ляжками Святой Магдалины, – не стал дожидаться конца гневной речи констебль, – я нашпигую тебя стрелами раньше, чем ты призовешь своего Аллаха, и выброшу в ров, вместе с твоими воинами и товарами. Плевал я на перемирие и твой поганый напиток. Добрые христиане пьют веселое вино и пенистый эль, а не вонючие отвары ад-

ского зелья. Плати пошлину или я...

Констебль сделал знак рукой – в руках стражников появились арбалеты. С башни отозвались лучники.

Благородный Аламгир заметно струхнул. Глазки его забегали, червивые губы опустились, а толстозадый иноходец присел.

– Конечно, конечно, доблестный страж ворот, если у вас даже с послов требуют денег... Если таковы здешние порядки, то я конечно. Я проехал дальний путь и везде уважал обычаи разных мест. Вот прими, храбрый начальник. Этого должно хватить и на пошлины, и на тебя, и на твоих храбрых воителей. Уберите же свои самострелы.

Довольный уроженец местечка Лавуаз принял весомый кошель.

– Ну, спасибо, Аламгир Газебо! Проезжай и торгуй с миром. Но помни – вас, мусульманских собак, здесь только терпят... Пропускайте их ребята!.. Удачных сделок тебе, чтобы было чем заплатить пошлину при выезде. А про твое посольство я так и быть никому не доложу, здесь таких послов по дюжине в неделю проходит... Давай, давай, шевелитесь, басурмане!

Непонятный человек, о котором благополучно забыли, прошел в город следом за караваном.

Это был самый жаркий час, такой жаркий, какой только можно себе представить. На улицах было безлюдно. Непо-

Нятный направился Соломоновой дорогой к площади Мории. Он шел мимо Патриарших бань, оставил справа метохию Святого Саввы, прошел приют Иоанна Предтечи, церковь Святой Марии большую, перешел на улицу Храма. Он не торопился, шел уверенно, не зевая по сторонам и не захлебываясь благоговением на каждом углу, как пристало паломнику. Он явно знал, куда идет. Может быть, он не впервые в Святом городе.

За бойней Непонятный свернул налево и через Красные ворота вышел на площадь. Пересек ее, обогнул Храм Гроба Господня, монастырь каноников. У церкви Иакова Младшего, притулившейся за Храмом, клевали носом несколько апатичных нищих. Когда Непонятный уже почти миновал их, один из попрошаек вдруг вскинул голову. Он проводил Непонятного долгим пристальным взглядом. Потом порывлся в своих лохмотьях и, опираясь на костыль, отковылял на десяток шагов от своих товарищей. Нищий был хром и казался очень старым. Он и был старым, лишь ненависть в его глазах горела люто и молодо. Непонятный не заметил этого.

За Храмом, почти у самой городской стены стоял дворец королей Иерусалимских. В ближнем к Храму крыле находилась резиденция тамплиеров. Непонятный направился к ней.

Не подходя слишком близко, он встал в тени рослых кипарисов, обступивших дворец, и стал наблюдать. Что он высматривал – непонятно. Может быть, чернявого человека с горбатым носом, который вошел к тамплиерам через боко-

вую калитку с большой корзиной в руках.

Простояв почти час, Непонятный кивнул каким-то своим мыслям, стукнул посохом в каменную плиту мостовой и снова зашагал через площадь. Ему нужно было пройти мимо Храма.

– Добрый человек! Добрый человек! – Непонятный обернулся – к нему, по-паучьи перебирая тремя ногами, бежал колченогий нищий. – Добрый человек!

Непонятный остановился.

– Что тебе, убогий? Мне нечего дать тебе.

Старик задышал с тяжелым нутряным хрипом.

– Нечего, говоришь! Дай то, что отнял у меня десять лет назад – дом, детей, внучку маленькую... А! Что молчишь, я сразу узнал тебя, сразу! – старик уцепился своими мосластыми клешнями Непонятному за одежду.

– Я не знаю тебя, убогий. Ты сошел с ума. Ступай прочь.

– А-а – не помнишь!.. А как вы, мусульманские суки, избивали курдов-эзидов и несториан в Бохтане, помнишь? В Бохтане, в Бохтане! Я Далимурат – старейшина, помнишь меня, выблядок сатаны!

– Ты обознался, убогий, я не знаю тебя...

– А-а! Не знаешь! Сейчас узнаешь! – тощая рука нищего вынырнула из лохмотьев – в судорожно сведенных пальцах была зажата какая-то железяка. Блеснул отточенный край. Непонятный небрежно заслонился посохом. Твердое дерево

ударило старику по запястью – железяка вылетела и зазвенела по вытоптаным плитам.

– Шел бы ты, убогий...

Старик обмяк, на глаза его навернулись слезы.

– Ах ты сволочь, ты сволочь, ты... все равно не уйдешь, теперь не уйдешь! Стража... – нищий слабенько закричал, попытался развернуться к Храму – там, у Гроба всегда стоит караул... Непонятный сделал неуловимое движение кистью, из рукава выпорхнул стилет. Слева под коричневый сосок, поросший седым волосом – сквозь лохмотья так хорошо видно, куда он должен ударить. Стилет очень тонкий, разрыв на коже очень маленький, когда вытащишь сталь, рана закроется сама, крови почти не выйдет, разве что капелька. Да и то сказать, кто будет выгонять эту кровь – не мертвое же сердце.

Любопытные нищие у ворот Храма Гроба Господня видели, как у старого Далимки прихватило сердце. Какой-то непонятный человек, наверное, знакомый, поддержал старика, довел до стены и бережно усадил в тень. Потом он бросил Далимке мелкую монетку.

– Эх ты, убогий, убогий...

Узенькой улочкой Непонятный покинул площадь. Улочка, петляя и извиваясь в суতোлке домов, вывела Непонятного в торговые кварталы.

Непонятный зашел в богатую лавку под яркой вывеской. Встретил его молодой расторопный приказчик.

– Мне нужен Тадео Бонакорси. – Непонятный левой рукой сделал в воздухе округлый знак.

– Хозяина сейчас нет на месте, но он должен вскорости прийти. Вы можете подождать его там. – Приказчик указал на дверь по правую сторону от прилавка. Приказчик не задавал вопросов – у каждого торговца, если он хочет преуспевать, должно быть много агентов – разных, и даже таких непонятных, как этот.

– Да, я подожду его.

Непонятный скрылся за дверью.

Приказчик принялся раскладывать образцы новых шелковых тканей на столе так, чтобы солнце выгодней подчеркивало их причудливые узоры и расцветку. Тут в лавку вошел новый посетитель.

– Я великий посол волшебной страны, в вашем языке, Индии – Аламгир из рода Газебо. Я привел огромный караван изысканных товаров, кабриджата и чудесного напитка. Во ниспослание всяческих доходов и удачных дел мне нужно видеть почтенного купца и, в вашем языке, негоцианта Тадео Бонакорси.

– Хозяина нет, и я не знаю, когда он вернется... Вы можете изложить свое дело мне, достойный Аламгир Газебо. – Приказчик изящно поклонился, качнув гладкими волосами. Благородный Аламгир, казалось, слегка озадачился.

– Нет... мне нужен сам Тадео Бонакорси почтенный купец и, в вашем языке, негоциант... – Аламгир помолчал, слов-

но, вспоминая что-то. Потом поднял левую руку, неуверенно повел ею в воздухе, и, после короткого раздумья, наконец, завершил округлый жест.

Приказчик благостно улыбнулся.

– Извольте подождать хозяина в той комнате, он вскорости должен пожаловать. – Приказчик, склонив голову, указал на дверь, но уже не по правую, а по левую сторону от прилавка. Агентам достойного купца и негоцианта Тадео Бонакорси вовсе не обязательно встречаться друг с другом.

Аламгир прошел в комнату.

Хозяин Тадео Бонакорси действительно пожаловал вскорости. Почтенный мастер Тадео двигался стремительно, как маленький тучный самум в сирийской пустыне.

– Энрико, если придет метр Скорки за долгом, скажи, что деньги вот-вот придут из... из Флоренции. Те брабантские кружева, что ты готовил госпоже Бриссе, отнеси жене королевского кастиеляна, старая гримза меньше торгуется. Иветте Сент-Ак отправь образец последней ткани из Газы. Энрико, племянник дорогой, если ты не перестанешь говорить сальности и вообще ошиваться возле дочери барона де Ги, ее жених отрежет тебе уши, а я лишу наследства. Ко мне кто-нибудь приходил?

– Дядюшка, я никогда не говорил леди Джоанне... Да, дядюшка, двое.

– Кто?

Племянник сделал левой рукой округлый жест.

– Где они?

Племянник показал двумя руками на две двери.

– Хорошо. Пока я говорю с ними, меня ни для кого нет.

Ясно? А про леди Джоанну, дорогой, мы поговорим после...

Мастер Тадео вошел в третью дверь, за прилавком.

Уважительный племянник своего дяди некоторое время возился с тканями, потом запер лавку изнутри и, воровато прислушиваясь, двинулся следом за дядюшкой. За дверью была лестница. На площадке второго этажа, куда выходил дядюшкин кабинет, Энрико не остановился, он поднялся на чердак.

Энрико был умным юношей и понимал, что дядины секреты всегда могут пригодиться. Собственно, и пригождались уже не раз. Секреты стоят денег. На чердаке у Энрико была приготовлена особая ниша среди потолочных балок, сидя в ней, можно было слышать, что говорится в кабинете. Слышно, правда, было не очень хорошо, но все-таки кое-что разобрать удавалось. Кроме того, в щель был виден дядюшкин стол и часть комнаты.

Энрико занял свое место и прислушался. Говорил дядя.

– ...Да, конечно, мои люди собрали нужные сведения. Вот все они здесь. Здесь все, о чем просили... Какая чаша? – дальше несколько слов были слышны неразборчиво. Собеседник дяди что-то ответил ему... слишком тихо. Энрико за-

глянул в щель, но никого не увидел, видимо, тот сидел в противоположном углу.

– ...Повлекло значительные расходы. Больше, чем мы рассчитывали... дикие племена... и другие стороны, заинтересованные в деле... опасно... – опять что-то невнятное и затем отчетливо, – тамплиеры... – Что на это ответили дяде, расслышать было совершенно невозможно.

С кем же все-таки разговаривает дядюшка – с надутым индийским купцом или с непонятым оборвышем? Голос не разобрать. И снова дядюшка.

– ...Я понимаю, что вы только письмоноша, но скажите вашим хозяевам на Кипре, что так дело не пойдет. Я могу передать все, что собрал, кому-нибудь другому, желающих полно. Хотя бы Старец... Ладно-ладно, вот – забирайте. – Энрико увидел на столе кожаный футляр для свитков. Чья-то рука подхватила его, и футляр пропал из глаз. – Как долго вы пробудете... Три дня? Хорошо... Подождите еще немного в той комнате, мне нужно отдать кое-какие распоряжения своему племяннику, я не хочу, чтобы вас видели...

Энрико выскочил из своего укрытия, скатился по лестнице и стремительно зарылся в ткани на прилавке.

Из двери выглянул дядюшка.

– Ты здесь, Энрико? Никто не заходил?

– Нет, дядя.

– Заканчивай возиться и отправляйся по делам. Нечего тут торчать... Ты понял?

– Да, дядя.

Мастер Тадео напоследок строго нахмурил брови и хлопнул дверь. Через несколько минут Энрико уже снова был на своем посту.

У дяди был второй посетитель. Но только кто? Оборванец или купец? Как плохо слышно... и то только дядюшку.

– Король Балдуин хочет мира... Собрание Высокой палаты... Очень сложно стало разобраться. Молодой король очень плох, скоро проказа убьет его. Он недоволен регентом королевства Гвидоном де Лузиньяном. Между нами говоря, Гвидо за время своего регентства наворочал такого... Бароны не поддержат его. Говорят, король хочет помириться с графом Раймундом Триполийским и вернуть ему регентство, это самое лучшее сейчас... грызня... Все они могут претендовать на трон. Дурацкое право наследования по женской линии – никогда не угадаешь, кто будет королем. А тут еще Жерар де Ридефор, сенешаль ордена Храма, мутит воду. Он поддерживает Лузиньяна... смертельные враги с Раймундом. Все кричат о мире... но у меня есть сведения... не собирается... И вообще храмовники как всегда ведут двойную игру. Кажется, Ридефор хочет развязать войну с Саладином... Слишком надменен и заносчив. Высокая палата не пойдет против короля... По какой-то причине перемирие не выгодно Храму... Он приведет к гибели... и Старец... Убить?! – дядюшка забормотал совсем тихо, ему так же тихо ответили.

Черт! С кем же говорит дядя?!

– Конечно, допускаю... Кого? И кто?... В этой ситуации... не уверен, да и зачем ему... Не знаю, Высокая палата соберется через два дня, наверное тогда... В Акре? Нет, решили здесь, в Иерусалиме... Как раз будет много народу: и знать, и простолюдины – толпа. Да, наверное, вы правы... Успеете ли за три дня? Ко мне больше не приходите, я сам найду вас... Где? Ну, как знаете. Подождите за той дверью, я проверю все ли спокойно... Чаша?..

Энрико был уже на лестнице. В лавке он выхватил из-под прилавка сверток с тканями и вылетел на улицу. Племянник занял позицию у постоялого двора, напротив и чуть наискось от лавки, так, чтобы хорошо видеть вход.

Первым появился непонятный оборванец. Не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам, он двинулся вдоль улицы, часто постукивая посохом по мостовой. Индийский купец вышел позже и сразу зашагал к постоялому двору. Здешний слуга подвел ему коня. Купец взгромоздился в седло, бросил слуге медяк и направился в ту же сторону, что и оборванец. Энрико оставил свой наблюдательный пост и поспешил следом. Но не успел он сделать и десяти шагов как...

– Эй, Энрико, куда ты так прытко? А я к вам, к вам, ну-ка веди меня к старому подлецу Тадео... Куда... – Пожилой господин ловко ухватил Энрико за рукав.

– Приветствую вас, метр Скорки, дядюшки нет дома, а я очень спешу...

– Ну, нет, маленький прощельга, достойный отпрыск своего подлого рода, от меня не отделаешься! Веди меня к Тадео! – Метр Скорки грозно потряс увесистой палкой из мореного дуба.

Поникший Энрико, зная по опыту, что у почтенного метра не заржавеет огреть его по спине, повел разгневанного купца в лавку.

Непонятный шел по улице в сторону восточной окраины. Прохожих было немного: несколько женщин, прячущих лица за тканью, разносчик воды, пара крамарей с лотками, заполненными разным мелким товаром. Вдоль улицы у порогов своих лавок сидели потеющие торговцы, несмотря на дневную жару, не отчаявшиеся заманить к себе покупателей. У облупившейся каменной стены скучала некрасивая проститутка.

– Эй, путник, непонятный человек, не хочешь отдохнуть со мной после дальней дороги. Я хорошо приласкаю тебя.

Непонятный чуть улыбнулся.

– Спасибо, добрая женщина. Я бедный паломник, мне нечем заплатить тебе за ласку.

– Ты не похож на паломника, Непонятный, – шлюха скривила губы.

– А на кого я похож?

– На убийцу. – шлюха в упор смотрела на Непонятного. Зависла напряженная пауза. Зрачки Непонятного сжались

в точку.

– На очень плохого убийцу. Убийцу блох, – шлюха засмеялась сипло, будто закашлялась, кожа на ее горле натянулась, задвигалась как у ящерицы. – Плохой убийца! Иначе они не трахались бы у тебя на голове.

Непонятный улыбнулся.

– Мне жалко блох. И тебя... Почему в Иерусалиме только христианки торгуют своим телом?

– Потому что все остальные делают это бесплатно. Даже еврейки. Проходи, Непонятный, не берешь сам, так не заслоняй товар другим... Эй, красавчик! Хочешь, я покажу тебе, как дева Мария подмахивала Святому духу! Иди ко мне, красавчик, мусульмане всегда хотят белых христианок. Я покажу тебе настоящую христианскую любовь.

Красавчиком был благородный Аламгир из славного рода Газебо, проезжающий мимо на своем иноходце. Он скептически оглядел проститутку сверху вниз.

– Что вы, христиане, знаете о любви... Читала ли ты трактаты об этом высоком искусстве индийских или персидских мудрецов, о уличная жрица страсти? А знаешь ли ты тридцать три положения замедляющих и столько же убыстряющих? Можешь ли ты сжимать свою фердж, в вашем языке... ну, не суть важно, словом, сжимать ее так, чтобы она целовала нефритовый пест и...

– За три золотых я буду сжимать тебе все, что захочешь, красавчик, и даже больше.

– Что?! За три золотых я могу иметь весь гарем султана Дамаска, вместе с мальчишками для обслуги! Красная цена тебе с твоей девой Марией...

Аламгир не успел назначить красную цену деве Марии, потому что на улицу вывернул разъезд храмовников – трое рыцарей и четверо сержантов. Аламгир, чтобы не бросаться в глаза, благоразумно спешил и прижался с конем к обочине. Запыленные воины возвращались с дороги в Яффу. Отряды тамплиеров охраняли ее от набегов мусульманских банд, сопровождали паломников и торговые караваны, прибывающие в Святую землю морем. Во главе отряда ехал суровый пожилой рыцарь. Его помятый боевой шлем был приторочен к седлу. Из-под кольчужного капюшона, прикрывавшего голову, выглядывала грязная окровавленная повязка. Белые с красными восьмиконечными крестами орденские одежды рыцарей были порваны. Двое сержантов, в одеждах темных тонов, с двух сторон поддерживали в седле своего раненого товарища. По всему было видно, что отряд попал в переделку.

Поравнявшись с Аламгиром, пожилой рыцарь вдруг остановил коня. Его глаза зло прищурились.

– Посмотрите, братья, мы проливаем свою кровь, защищая Святой город от поганых басурман. А они здесь выбирают себе непотребных девок и позорят чистое имя Матери Божьей. До каких же пор мы будем терпеть это... – рыцарь наехал конем на Аламгира, чуть не уронив его в сточную ка-

наву. Аламгир вывернулся в самый последний момент.

Увидев, что маневр не удался, рыцарь поднял толстенный арапник.

– Ты хотел попробовать христианской плоти, так отведай прежде христианской плети, собака!

– Я великий посол великого Хинда, в вашем языке... великое перемирие, заключенное... – побледнев, залепетал Аламгир. Рыцарь сверкнул глазами, что-то рыкнул, но сдержался.

– Бог даст ненадолго заключенное. Это перемирие не мешает Черному Гозалю нападать на мирные караваны. Ничего! Бог даст, Жерар де Ридефор станет Великим магистром, он не будет терпеть поганых сарацинов у Святого города. Убирайся, сомнительный посол, я не трону тебя сейчас. А ты, шлюха, позорящая святую веру... – рыцарь снова занес руку. Тяжелая плеть, казалось, перешибет женщину пополам. – Ты, грязная тварь...

Непонятный, на которого никто не обращал внимания, шагнул к Аламгиру сбоку. Посох стремительно, как змея метнулся в морду аламгирова иноходца. Испуганный конь, истошно заржав, взвился на дыбы, толкнул лошадь храмовника. Рыцарь, не успев завершить удар, откинулся назад и от неожиданности потерял стремя.

– Проклятье черного дьявола!

Аламгиру не сразу удалось успокоить, рвущегося с повода коня. Перепуганная шлюха юркнула в ближайшую подво-

ротню. Аламгир побледнел еще больше, а Непонятный спокойно отступил назад и замер, опершись на посох.

Разъяренный тамплиер, будто не замечая Непонятного, двинулся к Аламгиру.

– Ты ответишь мне, пес...

– Боль и страх – оружие Бафомета. Принимающий в руки оружие зла, сам служит злу. Так зло берет власть над доблестью. – Это сказал Непонятный, негромко, будто про себя, но тамплиер услышал и вздрогнул, и втянул голову в плечи.

Храмовники развернули коней и умчались, разгоняя пылевых чертиков на мостовой.

Приказчик Энрико постучал в глухую дверь с квадратным окошечком на уровне глаз.

– Кто?

– Это я – Энрико.

– Мальчик? Входи.

– О, сударыня, как вы...

– Да, мальчик, я прекрасна. На, целуй... не так пылко, в прошлый раз ты оставил мне следы на бедрах. Что нового, мальчик? Ты все еще увиваешься вокруг этой беляночки, дочки старого Ги? Нет? А я слышала иное. Ну, ладно, ладно, не красней, я прощаю тебя... Нет, нет, подожди, потом... Ты что-то узнал?

– Да, сударыня, два дядиных агента в разговоре с ним упоминали о какой-то чаше. Я, как вы и приказывали, тут же

побежал сообщить вам.

– Значит, Тадео все-таки взялся за это дело... Не думала я, что у него хватит духу. Что дальше?

– Дядя передал письмо – какие-то сведения в кожаном футляре для свитков. Кажется, их надо переправить на Кипр. К сожалению, я не знаю, кому именно из двух агентов дядя передал письмо, я слышал только обрывки разговора.

– Так. Дальше.

– Они говорили о том, что сенешаль тамплиеров Ридефор хочет вопреки воле короля развязать войну с Салладином. И что кого-то нужно убить. И еще во всем этом замешан Старец Горы.

– Все?

– Да. О, сударыня, какая у вас гладкая кожа...

– То, что Ридефор хочет войны – это не новость. О его связях со Старцем тоже известно... Ты проследил агентов своего дяди? Мальчик?

– Нет...

– Что?! Да убери ты руки!

– Я... они пробудут в Иерусалиме еще три дня, я найду их!

– Найди. Найди, мальчик. И тогда приходи ко мне. А сейчас ступай... Что еще? Опять деньги? Ты слишком балуешь свою беляночку, мальчик... На вот. Ну ступай, ступай... Щенок.

Непонятный свернул с богатой улицы и переулками и про-

ходными дворами стал пробираться к окраине. Здесь было душно, запущено и тесно. Дома, сдавленные со всех сторон, чуть не проваливались верхними этажами на улицы. Деревянные балки вылезали из облупившихся стен, как ребра из разъеденного проказой тела. Редкие узкие окна были заткнуты перекошенными разохшимися ставнями. Это были трущобы Святого Города, но Непонятный не ведал этого. Он не знал такого слова.

Из ряда одинаковых домов Непонятный выбрал один, с самыми крепкими дверями и глухими стенами.

На стук ответили сразу, будто ждали за дверью. Ответом было короткое ругательство – что-то из полузабытой арамейской фени.

– Мне нужен Каркадан-Носорог, меняла, – Непонятный говорил на фарси. – Ночь Предопределения грядет... Уже скоро, вот-вот грянет.

За дверью еще раз кратко ругнулись, но уже безадресно. Отлязгав положенным количеством запоров, створки раскрылись. На улицу высунулся огромный смуглый калган, густо обросший курчавым волосом. Глаза калгана – две влажные маслины – рассмотрели Непонятного с ног до верхушки посоха и обратно. Потом посмотрели в лицо.

– Пожди, – калган убрался обратно в дом. Вернулся, словно спохватившись. – Прими... – калган повел ладонью, показав, куда нужно принять. Опять убрался.

– Эть! – из раскрытой двери на улицу выплеснулась здо-

ровая струя помоев. Если бы Непонятный не принял, куда было указано, его бы окатило до пояса.

– Заходи...

Непонятный шагнул с улицы в дом. Из полдня в сумерки. Прошел за привратником по коридору, потом свернул за ним направо, потом еще раз. Остановился.

Глаза быстро привыкли к полумраку. Немногословный привратник сложением оказался под стать своему огромному калгану. А необъятный пустой казан, который он держал в руке, был под стать им обоим. Привратник упирался загривком в низкий потолок. И еще он смотрел на Непонятного.

– Зулка! Забери казанок, – не отрывая глаз от лица Непонятного, басовито крикнул привратник куда-то в сумеречное пространство. Ему ответил звонкий девичий голос.

– Большуга, козлик! Занеси сам. А я тебе дам... – где-то за дверью засмеялись сразу несколько женских голосов. – Только Анну мы не позовем... – снова взрыв смеха.

– У! Бабы! – почти без злости прорычал Большуга – имя еще больше соответствовало своему владельцу, чем и калган, и казан вместе.

– Каркадан? – напомнил Непонятный.

– Тут, – Большуга толкнул незаметную дверь. – Хозяин, человек.

– Пускай.

Непонятный вошел в комнату. За широким тяжелым сто-

лом сидел Носорог, Каркадан. За что его так позвали, непонятно: у него не только не было рога на носу, но недоставало и самого носа. Еще у Каркадана недоставало правой руки. Зато морщин на высушенном годами лице было предостаточно. Каркадан, судя по всему, был армянин. Или грек. Или перс... Но уж никак не еврей, хотя кто его знает. Багдадский вали не прощал воровства никому.

Непонятный вытащил из-за пояса тусклую монету, бросил на стол. Старый меняла ловко подхватил ее и поднес к глазам. Изучив со всех сторон, вернул Непонятному.

– Я рад видеть тебя... – Каркадан помедлил, подыскивая подходящее обращение, – Непонятный. Мой дом отныне – твой дом. Мои люди – твои люди. И да будет доволен тобой Аллах!

Меняла набожно поднял глаза к потолку.

– Большуга! Вместе с Шакшиком будете служить моему гостю. Выполнять все, что он прикажет... В нашем деле, мой господин, и там куда вам предстоит попасть, всегда может понадобиться пара надежных клинков... В воздухе пахнет войной, и король Балдуин не сможет ее задержать, нет, не сможет... Иди, Большуга, приготовь покои гостю... Ступай же!.. А мы поговорим, беседа с достойнейшим услаждает слух, скрашивает жизнь... Мой господин, так что слышно о Ночи Могущества?.. Це-це-це... Велик Аллах! Велики дела его! А гонец из хиджаза в этот раз привез совсем мало. Совсем... Це-це-це...

После содержательной беседы Большуга показал Непонятному его покои. Покои больше были похожи на темную конуру с несколькими лежаками. С одного из них поднялся взлохмаченный заспанный человек.

– Это Шакшик-трепло, – Показал на него Большуга.

– Это человек, которому мы будем служить, – Большуга показал на Непонятного. – Хозяин сказал.

Шакшик-трепло зеванул во все зевало и потянулся.

– Уж мы послужим. Какие приказания, господин?

– Нужно сходить кое-куда. Солнце еще высоко.

– Пошли.

И они пошли, и ходили много. Исходили весь город. Непонятный забредал в разные дома, в некоторых был долго, в некоторых нет, а в некоторые вовсе не заходил, только смотрел на них.

Один раз Непонятный приказал Большуге дожидаться, когда солнце спрячется за башню Давида, и своротить ворота в богатом дворе, а сам куда-то пропал. Потом они бежали втроем грязными закоулками. В другой раз Непонятный приказал Шакшику срезать кошель у тощего рыцаря. Потом на них накинута челядь какого-то дворянина, и Большуге с Шакшиком пришлось отбиваться от них палками, а Непонятный стоял рядом и смотрел в другую сторону. Потом было еще много разного непонятного. Непонятный заглянул даже в халупу старой колдовки на улице проституток, а Большуга с Шакшиком стояли на улице и плевались.

В дом менялы они вернулись в сумерках.

– Нет, Большуга, что ни говори, а слаще бабы может быть только девушка. – Большуга и Шакшик сидели в своей каюте и под ленивую трепотню перекидывались костями. Перед каждым стояло по кувшину с вином, к которым они часто прикладывались. Непонятный сидел в другом углу спиной к ним. На полу рядом с ним тоже стоял кувшин. – Да ты и сам знаешь, не зря же к Зулке полез. Только не понятно, зачем ты туда Анну позвал. Кидай кости, Большуга.

Большуга засопел яростно, сграбастал кубики.

– Да не звал я туда Анну! И к Зулке я лезть не собирался! Пусть я разведусь со своею женой, если это не так. Я просил Анну хлебово мне приготовить, вот она, дура, сготовила похлебку с мясом и понесла мне. А Зулка тут полы мыла, задом вертела, я ее по заду хлопнул, а у ее шароваров веревка возьми и лопни. Тут и Анна... Пока я хлебово с рожи отирал весь дом собрался. У, бабы! На кой хрен они мне вообще сдались! Бабу любить все равно, что спасти гиену! – Большуга в сердцах потряс кости и бросил перед собой. – Пять!

– Ну, не скажи, Большуга, не скажи! – Шакшик звучно глотнул из кувшина, подобрал кости. – Сношение с бабой прекращает заботы и беспокойства, успокаивает страсть и гнев и полезно при язвах. Только делать это надо с умом, если ночью, то когда перевариться пища, а если днем, то после обеда... У меня десять. Ты проиграл мне уже целый ди-

нар, Большуга. Да, в сношении великие достоинства и похвальные дела, оно облегчает тело и привлекает любовь. Умножать сношения в дни лета и осени вреднее, чем зимой или весной... Так как на счет денег, Большуга?

– Потом сочтемся... Не знаю, Шакшик, я свою Анну бил уже и так, и болезненным боем, а ни любви, ни сношений. Это она из-за того, что я на Каркадана работаю. Анна говорит, что я здесь погубил уже столько людей, скольких не произведу на свет, даже если буду сношаться целыми сутками.

– Да, смерть – разрушительница наслаждений и разлучительница собраний. Только ведь у нас как: или ты убьешь, или тебя. Воин, он или погибает сразу, не убив никого, или убивает много и живет долго. Тут ничего не поделаешь, так устроил Аллах... ну, или у вас Яхве, все едино. Ты, Большуга, кидай кости-то, не спи.

Большуга вздохнул.

– Рабби говорит... Эх... И старики проходу не дают – тоже бухтят, что грешно это все. И что с иноверцами якшаюсь...

– А ты пошли своих стариков подальше. Вон Гозаль, тоже я слышал из ваших – иудей. А кровь любит! И в банде у него кого только нет: и христиане, и мусульмане, и всякие другие. А богатств сколько он добывает!

– Тоже нашел иудея! Да он не обрезанный ни разу! Пришел лет двадцать назад откуда-то из пустыни от кочевников-язычников, мальчонкой совсем. Мать его они из каравана выкрали. Принес амулет фамильный. Приняли его в се-

мью, а он необузданный, дикий, злой как черт. Деда зарезал, прихватил кубышку с деньгами и ходу. Сколько лет о нем слуху не было, а тут появился, да с бандой. А что людей они бьют это точно. Никто столько крови не льет. Даже храмовники.

– Я знаю, кто больше крови льет, – Шакшик наклонился к Большуге и прошипел страшным шепотом. – Хашишины!

– Ты что! Ты что! – Большуга отпрянул. – Вот точно ты Трепло-болаболка, вино тебе язык развязало. Мусульман, а пьешь как монах... Ты о них даже не думай. – Большуга покосился на Непонятного. Тот сидел в той же позе спиной к ним, только, казалось, чуть раскачивался. – Они сквозь стены слышат. И Старец...

– А чего бояться! Мы для них кто? Никто! Зачем им нас убивать? О Старце весь базар втихаря болтает и ничего. Мы им без надобности – они больших людей убивают.

– Да! Отец мне рассказывал, как убили графа Боэмунда. Прямо среди бела дня в толпе у ворот Антиохии!

– Точно. Хашишины любят убивать на людях. Так страшнее. Они убили князя в Тире, и в Триполи кого-то... О, они и мусульман не жалеют – сколько эмиров зарезали! И в Дамаске, и в Химсе... Даже на Саллах-ад-Дина покушались. Говорят, он спит в железной башне без окон и дверей и никого к себе не пускает. Потому что хашишином может оказаться кто угодно: и друг, и верный слуга, и даже родной сын. Во как!

– И никуда от них не скрыться, везде найдут и распорют брюхо. Везде, по всему свету. Везде! Э?..

Непонятный, на которого никто не смотрел, вдруг встал, с грохотом отодвинув лежак. Шагнул к Большуге, схватил его за ворот, перекрутив так, что сдавило горло, притянул к себе. Огромный Большуга неловко пригнулся, захрипел, уцепился вдруг ослабевшими пальцами за Непонятного. Непонятный выдохнул ему в лицо.

– Я никого не убивал в Бохтане... Никого... Ни курдов, ни внучку... маленькую – никого... Запомни, старик, – Непонятный отшвырнул Большугу и, пошатываясь, вышел из камеры.

Большуга и Шакшик молча уставились друг на друга.

– Он... он что, много выпил? – Большуга потер горло.

– Ни капли, – Шакшик поднял с пола кувшин. – Полный.

Вдруг Шакшик насторожился, потянул ноздрями.

– Банут!..

– А?.. Чего говоришь?

– Ничего, – Шакшик отстранено глянул на Большугу. –

Ничего...

Вышел следом за Непонятным.

На улице было покойно и тихо. Только звезды дрожали в вышине и чуть слышно звенели. Или это верещали цикады?

Непонятный нетвердо стоял в углу внутреннего двора, руками упершись в стену. Шакшик подошел сзади, бесшумно.

– В твоей голове бродит банут-гашиш. Ты непонятен... Источник восхода ниспослал султана Дня на сто восемьдесят делений запада, и было это на ас-Сурейя. Скажи во имя Шейха Горы, когда Сияние настигнет султана Ночи?

– Что? – Непонятный повернулся к Шакшику. – Не понимаю...

Шакшик вздрогнул, на какое-то мгновение на лице его появился испуг... коротко размахнувшись, Шакшик ударил Непонятого кинжалом в живот – снизу вверх.

Клинок скользнул по животу, рассекая одежду. Недоумение. Непонятный откинулся назад, левой рукой пытаясь заблокировать кинжал. В правой уже был стилет. Непонятный ударил из неудобного положения, промахнулся. Кинжал Шакшика резанул наотмашь, тоже очень неловко, зацепил открытую шею, скатился бессильно по груди. Непонятный оступился, хотел сдать назад – помешала стена. Ткнул набум. Выбросил левую руку навстречу стремительному отблеску. Когда ладонь обожгло, инстинктивно сжал пальцы, вывернулся. Как больно! Ушел с линии атаки влево, вдоль стены, так, чтобы противнику не с руки было ударить. Ударил сам... Попал?

Темная фигура перед ним развернулась, косо метнулась к забору. Метнуть стилет? Нет, лучше не рисковать.

Непонятный сделал шаг к дому и понял, что не дойдет. Из шеи текло, в голове мутилось, левая рука ослепительно

болела. Хотел потрогать шею, поднял левую руку. В руке был кинжал. С усилием разжал стиснутые на лезвии пальцы. Тупо посмотрел на разрезанную ладонь. Почти хладнокровно отметил – до кости... Непонятный пошел.

Вот во двор выходит окно. К нему почти близко. Туда можно крикнуть. Упал прямо перед окном. Встал на колени. За окном разговаривают. Это Большуга и Зулка.

– ...сношение успокаивает тело и полезно при язвах.

– Не буду я с тобой сношаться, Большуга, нет у меня язв.

– Зулейма, да я нет... я просто поласкать тебя хочу.

– А его зачем вытащил?

– Я им поласкать тебя хочу.

Крикнуть... Горло свело, и во рту этот до омерзения знакомый, металлический привкус...

– Боль... ш... – Непонятного повело, повело... он оперся о стену... Дальше все.

Зулка не дала Большуге. Он вышел во двор и заметил у стены Непонятного. Прикоснулся – почувствовал мертвый холод. Наклонился, послушал – Непонятный дышал. Большуга разодрал окровавленную хламиду, под тканью блеснул металл – кольчуга.

– Большуга... Большуга, позови хозяина, – Непонятный очнулся в камере на своей лежанке. С болью глотнул воды. Шея и левая рука были перевязаны. – Позови Каркадана.

Большуга отставил кувшинчик с утиным носиком, вышел.

– О, господин мой, о драгоценный гость мой, да поднимет тебя Аллах! О, позор дому моему, стенам его и крыше, и женской половине! О, как я не уследил за бесценным моим гостем! О, я осел, сын синей обезьяны, брат свиньи и овцы, и козы, и недостойный я человек! Скажи хоть слово, о господин моего разума и кишок! – Каркадан припадал на колени и ударялся лбом о край лежака.

– Если ты заткнешься, я скажу тебе слово, Носорог. И боюсь, оно не понравится ни разуму твоему, ни кишкам... Слушай меня.

Каркадан замер тревожно, не отрывая глаз от белого лица Непонятого.

– Твой слуга, Шакшик – кто он?

– Шакшик?.. Так это он тебя так? О, я несчастный, о горе мне! О!.. Он просто босяк, господин, каких много. Он водил караваны, был стражником, я давно его знаю, два года он служит мне. За что он тебя, господин?

– Он упомянул Шейха.

– Какого шейха, господин?

– Такого... Шейха!

– О-о-о! – Каркадан округлил глаза. – О-о-о! – Потом посмотрел на Большугу, словно, ища поддержки, тот непонимающе переступил с ноги на ногу.

– Больше я ничего не понял. Я был... я был тогда немного не в себе. Понимаешь?

Каркадан кивнул.

– Что же теперь делать, господин?

Непонятный откинулся на подушку.

– Делать то, что должно. Мне нужно оружие, Каркадан. Я слишком ослаб. Сегодня я буду лежать. Завтра собирается Высокая палата королевства Иерусалимского. Мне нужно оружие, Каркадан.

– Да, мой господин, я понимаю тебя. Я найду тебе оружие – хорошее... Пойдем, Большуга!

– Большуга, – Непонятный повернул голову, – спасибо, что вытащил меня. Я бы истек кровью.

– Ничего, может это зачтется мне перед Анной.

– Обязательно. Спасенная жизнь всегда идет в счет.

Каркадан с Большугой ушли.

Иерусалим – старый город. Слишком старый – слишком много людей умерло в нем. В таком городе легко умирать. Много раз.

Непонятный не умер – целый день он лежал в своей камере и пил отвары. Он набирался сил, думал и лечил раны. Раны рубцевались, думы – нет.

Вечером зашел Каркадан.

– Вот, господин, я нашел вам оружие.

Это был арбалет. Непонятный никогда не видел такого – короткое, очень короткое ложе, сложный спусковой механизм, и самое странное – два рычага, две направляющих для стрелы, два стальных лука один над другим.

– О, это удивительный самострел, – Каркадан закатил глаза и прицокнул языком. – Такого нет ни у кого в Иерусалиме. Его сделал слепой мастер в Бахрейме. Этот самострел выпускает две стрелы, две! А какой точный бой! Две стрелы – два врага, за пятьдесят шагов – прямо в глаз. А сила! С двадцати пяти шагов пробивает кольчугу. А какой он маленький, его легко можно спрятать под полый халата. Возьмите, господин, он как раз для вашей руки.

Непонятный принял оружие. Огладил полированное ложе, провел ладонью по тугим лукам, тронул тетиву – она загудела мощно и ровно. Удивительный арбалет!

– Спасибо, Каркадан. Это то, что нужно. Ты правильно понял. Я еще слаб для клинка, а это в самый раз. Помогите мне, я опробую его во дворе.

– Да, мой господин, конечно. Вот здесь стрелы.

Иерусалим старый город. Очень. Его камни впитали много крови – молодой, горячей, живой крови. Много живой крови в мертвом камне – так Иерусалим живет. Святой город, вечный.

В этот день собиралась Высокая Палата – благородные владетели земель, вассалы короля Иерусалимского, князя и бароны сирийские и Святой Земли. Им предстояло обсудить много разных вопросов. Им предстояло решить, быть ли войне.

Король со свитой, с членами Высокой Палаты двигался

от Гефсиманских ворот. Медленно, через весь город, мимо храмов, дворцов, мимо домов дворян и простолюдинов, сквозь толпы черни. Народ должен видеть своих властелинов.

Непонятный с Большугой были уже на площади перед королевским дворцом. Они укрылись в тени колонны у храма Колыбели Христовой. Отсюда площадь была как на ладони.

– Большуга.

– Да, господин... Куда прешь, паскуда! – Большуга отшвырнул наглого ротозея, пытавшегося протиснуться между ним и Непонятным. – Да, господин?

– Когда я скажу, поднимешь меня на плечо, вот так. Понял?

– Да.

– Хорошо.

Непонятный, опираясь на Большугу, поднялся на уступ колонны. Он высматривал что-то поверх голов, как будто кого-то искал. Искал, но не находил. Непонятный был неспокоен, он чуть покусывал губы – щуря глаза, снова и снова зорко вглядывался в толпу. Непонятный выделил в толпе трех человек – огромного сирийца, юркого пуллана-метиса и чернявого горбоносого человека неясной национальности. Взгляд Непонятного постоянно перебегал от одного из этой троицы к другому. Что ему в них?

Сириец был напряжен, напряжен и сосредоточен. Он не отвечал на толчки своих соседей, не глядел по сторо-

нам, он, словно пружина, замер в какой-то жесткой готовности – распрявиться, выбросить собранную в кулак силу, ударить... Убить?

Пуллан был неутомим. Он вертелся, скалил зубы, ругался, хохотал, говорил сразу с несколькими людьми. А взгляд его был прикован к въезду на площадь. И он был холоден, этот взгляд, как сталь клинка, рукоять которого едва заметно выглядывала у пуллана из-за пазухи.

А горбоносый стоял ближе остальных двоих к дороге, на которой должен появиться король. И еще... Непонятный видел этого человека у резиденции тамплиеров.

На площади, рассекая толпу и прокладывая дорогу кортежу, появились королевские телохранители – легкоконные воины в коротких кольчугах на восточный манер. За ними следовали тяжелые рыцари – дружина короля и отдельным строем тамплиеры. Рядом с королем ехали нынешний Магистр ордена Храма, пожилой Арно де Ла Тур Руж, и Раймунд III, князь Триполи. За ними двигались сенешаль Храма Жерар де Ридефор и барон Заиорданский Рено Шатийонский, чуть позади держались Бальан д'Ибелен, архиепископ Гийом Тирский, регент Ги де Лузиньян с братом и глава госпитальеров Роже де Муллен.

Лицо молодого короля было неестественно белое, с синюшными пятнами. Это были следы поцелуев – принцесса Проказа ласкала юного короля. Почти незрячие глаза умирающего монарха были глубокими и черными как язвы. При-

жизненное тление уже сильно тронуло его когда-то сильное и гибкое тело. Король, совершенно изнуренный страшной болезнью, мужественно держался в седле и, с легкой улыбкой переговариваясь с магистром Ордена Храма и Раймундом Триполийским, не спеша, двигался к дворцу. Вдруг почти посредине площади в движении кортежа возникла какая-то заминка. К королю Балдуину подъехал капитан страдиотов – венецианских наемников.

– Большуга, – Непонятный быстро дотронулся до его плеча, – подними меня. Скорее.

Большуга вскинул Непонятого себе на закорки. Непонятный смотрел в толпу, на тех троих.

Сириец сунул руку за пазуху.

Пуллан не отрываясь, смотрел на короля.

Горбоносый присел.

В противоположном конце площади послышался шум. Это были какие-то возгласы, конское ржание, смех, потом все перекрыл варварский рев трубы. Головы на площади как по команде повернулись в ту сторону. Непонятный смотрел на троих.

Сириец вынул руку из-за пазухи, быстро опустил вниз, словно что-то пряча.

Пуллан смотрел на короля.

Горбоносый поднес руку к лицу.

На противоположном конце площади верхом на упитанном иноходце, под белым зонтиком с веселенькой бахро-

мой, в парчовом халате, появился гордый Аламгир из рода Газебо. По физиономии Аламгира было разлито искреннее осознание собственной значительности и наслаждение величием момента. Правая его рука была выгнута кренделем и уперта в бок. Зонтик над Аламгиром нес босой слуга с лицом прощельги, в кашемировом балахоне поверх лохмотьев. Второй такой же деятьель шел сзади и трубил в кривую трубу. Слуги были, видимо, наняты Аламгиром специально для такого случая в ближайшей распивочной.

К Аламгиру поскакали королевские телохранители. Толпа пришла в движение, задние надавили, пытаясь разглядеть, что происходит, передние напоззли на кортеж, сдавливая с боков королевскую свиту.

Непонятный сжал под полой ложе взведенного арбалета. Сейчас. Это должно произойти сейчас. Непонятный смотрел на троих. Кто из них? Кто? А если все трое? Ну же! Кто?!

Непонятный выхватил арбалет – потому что...

...сириец стремительно поднял руку, поднес к губам, запрокинул голову. В его руке была кожаная фляга.

...пуллан, не отрывая взгляда от короля, заорал вдруг что-то восторженное, глупое и верноподданническое.

...горбоносый резко высморкался в кулак.

Черт! Черт! Черт!

Аламгир на другом конце площади уже кричал страдотам о своем посольстве, о верительных грамотах, пытаясь прорваться к королю... И тут из толпы вынырнул чело-

век. Ловко, одним движением метнулся мимо стражи, проскользнул под лошадью Рено Шатийонского и вынырнул перед королем и графом Раймундом. Король от неожиданности и не думал защититься, Раймунд только еще потянулся за мечом...

– Ал-ла!

Непонятный не успел прицелиться – арбалет будто сам собой выбросил граненый болт в спину убийце. Стрела была еще в воздухе, а тот уже замахивался матовым от сюркютского яда кинжалом. Каркадан не подвел с самострелом – убийцу бросило на колени, развернуло. Непонятный увидел его лицо, узнал – это был Шакшик.

Шакшик кривился от ярости и боли. В правой стороне его груди торчало стальное острие, болт пошел насквозь. Шакшик пытался подняться.

К убийце бросились телохранители короля. Но сенешаль Ордена Тамплиеров оказался ближе. Его меч был быстр, пожалуй, даже слишком быстр. Голову ассасина подбросило в воздух на несколько футов. Тяжелый двуручный меч Жерара де Ридефора навсегда замкнул кривящиеся болью и яростью уста.

Сенешаль тамплиеров выпрямился в седле. Он глядел в толпу, туда, откуда прилетел болт. Непонятный передвинул пальцы на спуск второй стрелы.

Взгляды встретились – их взгляды. Рыцарь Храма и Непонятный смотрели в глаза друг другу. Долго, почти секун-

ду. Непонятный стал выбирать слабинку спускового рычага... Магистр опустил голову, отвернулся.

– Взять его! Это сообщник убийцы! – Жерар де Ридефор командовал своим тамплиерам. – Того, под балдахин! Держите этого недоумка!

– Я посланец Великого Магараджи, в вашем языке величайшего! Достоинство мое пребывает под защитой султана Египта! Я из рода Газебо! Не хватайте мой зонт! Я-а-а! ... – кто-то вытянул Аламгира древком копья. Прощельжные слуги, мигом почуяв запах жареного, побросали свои представительские атрибуты и растворились в толпе. Аламгир пытался объяснить что-то тяжелому храмовнику, а тот уже ухватил великого посла за шиворот и примеривался, как половчее стащить орастого идиота с седла. Тут, наконец, до Аламгира дошло, что пора сматывать... и что делать это уже поздно.

Бам-м-м! Храмовник оторопело покачал головой в огромном, вдруг загудевшем шлеме и стал медленно заваливаться вперед. На его железном затылке Аламгир заметил широкую вмятину.

– Убейте его! Это ассасин! Скорее! Скорее!

Аламгир взвил на дыбы иноходца – сжатый со всех сторон, развернул его на двух ногах... скакнул чуть не в самую толпу. Люди прынули в стороны, давясь, толкаясь – Аламгир погнался вперед, расшвыривая нерасторопных. Толпа за ним сразу смыкалась.

– Стреляйте! Стреляйте! Уйдет, собака!

В свите короля налаживали луки. Но Аламгир ушел. Он протолкался на свободное место и деранул с площади, так что чуть не растерял подковы со своего иноходца.

Непонятный соскользнул с плеч живого постамента.

– Пойдем, Большуга, здесь нам больше делать нечего. Сейчас тут станет совсем неспокойно.

– Да, господин.

Непонятный снова спрятал под полу разряженный арбалет.

– Спасибо, Большуга. Ты хорошо держал меня, ровно.

– Идите ближе ко мне, господин, как бы вас не толкнули в вашу большую рану... – Большуга стал выбираться с площади. – Я старался, а то вы могли бы промахнуться.

– Да уж, и тогда твой друг Шакшик вспорол бы таки Четвертому Балдуину живот.

– Королю? А я думал он примеривался резать графа Раймунда.

– Какая разница? В нынешней ситуации это почти одно и то же.

– Не пойму, зачем ему это, Шакшику? Для чего ему убивать короля, графа, для чего убивать вас?

– Твой друг – ассасин, Большуга, вернее был им. Короля или Раймунда, а может быть их обоих ему приказал прикончить... словом, приказали. Вопрос войны и престолонаследия, регентства. А я... Он подумал, что я тоже один из них,

из ассасинов и раскрылся мне, а когда понял, что нет, обязан был убить меня.

Большуга остановился, посмотрел озадаченно.

– А вы разве не... Нет?

– Нет, Большуга. Нет.

Во дворе Каркадана Непонятный и Большуга обнаружили знакомого взмыленного иноходца. А из дома раздавался знакомый дерганый голос.

– Они чуть не убили меня! Меня достойного товароторговца! А за что? А! А-те, почтенный Каркадан? Ведь я всего лишь ничего! А они? Так здесь принимают послов?! А теперь меня, наверное, будут искать и подозревать.

– Не стоит волноваться, драгоценный Аламгир Газебо, у меня вас никто не найдет, а чуть позже, да посодействует нам Аллах, я выведу вас из города, и вы продолжите свой замечательный путь.

– А мои товары! Мои ослы и верблюды! Мои пряности, ткани, кабриджата и груз чудесного растения для питья!

– Я позабочусь обо всем, щедрый Аламгир Газебо. Клянусь языком Пророка, я выведу вас из Иерусалима вместе с вашим караваном и даже дам вам своих людей в провожаемые. Так безопаснее.

– О, благодарю вас, благодарю вас, наилучший из Каркаданов! Благодарность моя не будет знать границ... Я подарю вам целый мешочек кабриджата и еще две горсти! Да!

– Ну спасибо, Аламгир Газебо! А теперь не изволите ли отдохнуть, после стольких треволнений дня?

– О да, после того как меня ударили по спине древком копья, мне нужно отдохнуть... Но, Аллах! Сколько дураков вокруг! У меня ведь и вправду есть грамоты для короля Балдуина... от одного князька с запада Синдху.

Аламгир, в задумчивости глядя в землю, вышел во двор. И столкнулся с Непонятным. Вскинув голову, пристально посмотрел на него.

– Это был хороший выстрел. И тогда – хороший удар. Рыцарю в голову, моему бедному коню в морду. Только зачем это тебе? Непонятно. Мне непонятно...

Непонятный чуть улыбнулся.

– Мне тоже, Аламгир.

Каркадан сам пришел к Непонятному. Встал у порога и молча склонил голову. Непонятный тронул однорукого мнялу за плечо.

– Я ухожу, Каркадан, я сделал все. Войны с Саладином не будет. Король назначит регентом графа Раймунда, и тот продержит мир еще какое-то время. По крайней мере, до нового сбора Высокой Палаты.

– Да, господин, с благоволения Аллаха.

– Возьми свой самострел, Каркадан, он славно послужил мне.

– Да, господин.

– Скажи, Каркадан, как у тебя оказался этот индийский

купец Аламгир?

– Его направил ко мне Тадео Бонакорси, господин.

– Ты доверяешь ему... им обоим?

– Да, господин.

– Что-то ты не словоохотлив сегодня, Каркадан. Что-то случилось?

– Да, господин. Тадео Бонакорси пропал сегодня из своего собственного дома. Мы часто работали вместе.

– Ты боишься, Каркадан? Может быть, тебе стоит уйти вместе со мной?

– Нет, господин. У меня еще остались долги в этом городе.

– Понимаю.

– Вы выходите на рассвете, мой господин, с караваном Аламгира. Я дам вам Большугу, вы еще не окрепли после ранения. Когда не будете нуждаться в слуге, отправьте его назад.

Носорог взялся за дверь.

– Прощайте, непонятный господин мой, мы не увидимся больше. Я чувствую: Ночь Могущества близка. То, что предопределено, свершится. Передайте там тем, кто знает, я все делал для того, чтобы Высшая Власть воцарилась.

– Да, Каркадан. Прощай.

– Госпожа! Госпожа! Это я, Энрико... Я все узнал – все! – маленький приказчик торопливо стучал в заветную дверь, он едва переводил дыхание, захлебывался словами от усер-

дия. – Я все узнал, госпожа.

– Не кричи, дурачок, не хватало еще ночной стражи, – дверь бесшумно отворилась. – Входи.

– Они выходят из города утром... Караваном... Индийский купец и непонятный бродяга. Те, что были у дядюшки... вместе.

– Так. И у кого из них письмо? Ну?..

– Я не... Какая разница у кого – они идут вместе.

– Куда? В какую сторону? Через какие ворота?... О, господи, боже мой, племянник твоего дядюшки мог быть и посообразительнее.

– Я не знаю, госпожа. Они остановились оба в доме однорукого менялы с улицы возле свалки у западной стены.

– Что за меняла? Я не слышала о нем.

– Не знаю, госпожа, я выследил этих двоих у его дома, подслушал разговоры и сразу к вам.

– Ладно, мальчик, ты неплохо поработал. Можешь идти... домой. Ты ведь, бедняжка, наверное, целый день не был дома, да? – все исполнял мое поручение. Иди домой, в лавку, там тебя ждет сюрприз. Иди, иди. Сегодня я занята... Ты придешь завтра, после заката.

– О, госпожа!

– Иди. Иди, дурачок, иди.

Закат следующего дня был долгим. Слишком долгим. Таким долгим, что, казалось, за ним уже не будет ночи. Но ночь

была.

Непонятный и Аламгир сидели у костра. Маленький караван уже спал – погонщики храпели, скотина бродила стреноженная где-то в темноте. Только эти двое сидели у огня, смотрели в него, подбрасывали сухие комки верблюжьего дерьма.

Непонятный больше мочал. Аламгир больше хвастался, хотя зачем он хвастался перед этим Непонятным, он и сам не знал.

– Я вел свой караван от самого Ляояна до Ургенча. В Поднебесной от наследника дома Сун, я получил богатый подарок – вазу Цырчжоу. В Ургенче я наторговал столько, что не мог собрать такой большой караван, чтобы увезти все это. Пришлось жить там целый год, пока распродал помаленьку заезжим купцам. В Дели и Гаджипуре я скупал золото из разграбленных гробниц. Очень хорошо заработал. Я торговал в Атталии, потом в Константинополе... очень хорошо торговал в Константинополе, много. Теперь возвращаюсь на восток. В Дамаске мне присоветовали, пока перемирие, сходить в Иерусалим. Зря присоветовали. Ну да ничего, схожу теперь в Миср, а там, может, в Мекку, Медину, дальше в Куфу, а там в Багдад, Басру. А что! Товар у меня есть, торговать я, слава Аллаху, умею. Да! Мне пальца в рот не клади... Разбойники? Так я их не боюсь, знаешь, сколько шаек я разогнал на своем пути, о! Так что вот... А ты чего молчишь, Непонятный?

Непонятный поворошил костер палкой.

– Я ходил Шелковым путем три раза. Правда, не торговал... Северный Китай лет пятьдесят назад захватили чжурчжени. Династии Сун там нет и в помине. Что-то ты перепутал, правдивый.

Аламгир поворочался, накинул на плечи плащ.

– О чем ты, Непонятный? Я не понимаю тебя... Да, бандитам от меня приходилось плохо, я ведь старый вояка. Видишь мою саблю? О, это знаменитая сабля, я принял ее из рук умирающего Аль-Мирджана Бхануна. Великий Бханун завещал ее мне на поле брани, возле города Агрипура. Он сказал, что только я достоин владеть ей. Да! Ведь это я сразил его в поединке, вот этой рукой. Узнав об этом, Кутбуд-Дин Айбек сделал меня тысячником, и я прошел с армией весь Синдху до самых Гималаев. Я здорово отличился в боях, Айбек хотел оставить меня наместником в Городе Кричащих Статуй. Но я не люблю каменные стены, я ушел. Владыка облагодетельствовал меня со всех сторон и отпустил с богатой добычей. Да... А что ты скажешь, Непонятный?

Непонятный смотрел в черное небо.

– Я видел эту саблю у Бхануна, он был убит стрелой. Его тело растоптали боевые слоны, когда войско обратилось в бегство. Эту саблю могли найти вору, обшаривающие трупы... Ты опять что-то недодумал, благородный. Благородный Аламгир из рода Газебо... Твои предки были воины. Они поклонялись огню и стали. Они сами были

огонь и сталь. Им покровительствовал Разрушитель, на плече своем они носили знак Громоважды, слуги Кали обходили их стороной, и сам Яма боялся заглядывать им в глаза. Твои предки правили городами. Они строили храмы и дворцы. Они прогоняли джунгли и разбивали на их месте поля. Это был достойный род. Они не пачкали свои руки торговлей, они не служили иноземцам, они не обшаривали трупы. Что же случилось теперь? Джунгли вернулись в их города. Скажи мне, не из их ли гробниц ты продавал золото, благородный? Благородный Аламгир из рода Газебо, кшатрий.

Непонятный все еще смотрел в черное небо.

Аламгир закаменел. Губы его жестко искривились, глаза стали злыми, очень злыми.

– Кшатрий говоришь? Да ты посмотри на мои уши, Непонятный – шудра я, шудра! Отец мой был... работал... всю жизнь в грязи. Мать тоже... сдохла на куче помоев. А я... Вот мой род, Непонятный, других не знаю. Да, я обшаривал трупы, я торговал и воровал, я грабил гробницы, я украл себе имя... А кому оно еще нужно кроме меня?! Аламгир из рода Газебо... Красиво? Красиво...

– Да, красиво, – Непонятный помолчал. – Ты подобен месяцу, Аламгир. – Непонятный указал глазами на небо.

Аламгир тоже поднял голову.

– Такой же красивый? – потомок рода Газебо доверчиво улыбнулся.

Непонятный вздохнул.

– Такой же ущербный.

Аламгир надулся.

– На кого же тогда похож ты, Непонятный, а? Может, скажешь?

Непонятный подкинул в костер еще одну сухую лепешку, помолчал.

– Я похож на кусок кизяка, который не бросили в пламя.

Аламгир вытянул физиономию, что должно быть, означало недоумение.

– А чем отличается кизяк, который бросили в пламя, от кизяка, который просто валяется? Что то дерьмо, что это...

Непонятный чуть улыбнулся.

– А ты посмотри.

Костер шумел перед ними. Он был живой, красивый, яркий, горячий. Он светил и обогревал. Пламя не было высоким, языки тихие, оранжевые с синевой, жаркие. Костер... А в костре были драгоценные камни. Нет, это было ярче драгоценных камней. Ярче и драгоценнее, что ли... По ним прыгали маленькие змейки. Саламандры – юркие, прыгучие, то одной гранью блеснут, то другой, то выпрыгнут искрою яркой, то опрокинутся, развалятся, разворошат огненное костровое нутро...

– Понял теперь?

– Да-а... – протянул Аламгир. – Да-а... А кто же должен бросить тебя в пламя, Непонятный? Бог, что ли? Ведь все

в воле Аллаха.

– Может и бог. Но который? Я знаю многих. И живых, и мертвых, и забытых, и тех, кому еще молятся, – разных.

Аламгир попытался что-то возразить, но Непонятный будто не расслышал.

– Я много жил на этом свете, я много ходил, много видел. Я видел, как рождается облако в горах. Я поднимался выше облаков. Ничего там нет – никакого бога, и облака – это просто туман, а никакая не твердь небесная. Может быть, поэтому и лежим мы все верблюжьим дерьмом у дороги, и никогда нам не загореться. Нет, по-моему, никакого бога нет... А если и есть, то это не Бог.

Аламгир наклонился к Непонятному.

– Знаешь, Непонятный, я иногда тоже так думаю. В Бухаре на базаре я видел... – Аламгир зашептал, зашептал что-то Непонятному в ухо, очень тихо. – ...И все! Вернее – и ничего! Да! Вот поэтому мне иногда так хочется просто встать и крикнуть, что бога нет, так хочется! Но я боюсь, а вдруг он услышит.

– А ты попробуй. Попробуй, я же не боюсь сказать, что Бога нет. Вот видишь, и сейчас сказал. И еще могу повторить если хочешь... Ну, а ты?

Аламгир перевел дух, еще раз вдохнул, выдохнул, почесал под поясницей. Встал.

– Бога нет... Бога. Нет... БОГА НЕТ! Нет Бога! – Аламгир уже кричал, подпрыгивая и прижимая к груди кулаки. – Нет

Бога!.. кроме Аллаха... и Магомет пророк его... – Аламгир замер, его плечи поникли, – Фу-у... нет, я не могу. Не могу... – Аламгир тихо опустился на землю. – Уф...

Непонятный улыбался.

На утро их убили. Обоих.

Только бешеные волки могли напасть на караван в одном переходе от города. И они напали. Караванчики еще продирали глаза, Аламгир, поорав на них для порядка, отошел отлить, Непонятный был где-то рядом. Визжащие всадники появились ниоткуда и пронеслись сквозь лагерь единым вихрем. Защититься никто не успел. Лишь Большуга умудрился ссадить одного своим корявым тесаком, прежде чем ему раскроили череп.

Аламгир стоял в стороне – его не убили сразу. Он бросился бежать, ему накинули петлю на шею и приволокли в лагерь. Откуда-то появился Непонятный. Руки его были свободны, он держал посох.

Аламгир попытался петь обычную песню:

– Как вы смеете!.. Вас накажут!.. Король Балдуин!.. Султан Саллах-ад-Дин!.. Я великий посол! Аламгир Газебо!.. – Бедный Аламгир очень старался. Он так старался, что бандиты отвлеклись от тюков с товаром и подтянулись к нему. Кто-то даже снял веревку с его шеи. Аламгир продолжал разоряться.

Непонятный стоял рядом.

Вперед вышел высокий худощавый человек, чернявый, с вороньими глазами. Он оглядел великого посла с ног до головы, скривился.

– Ты кто такой?

Аламгир повторил все по новой.

– Я великий посол! Я Аламгир из рода Газебо!.. Я...

– А я – Гозаль, – черный подался вперед, нависнув над Аламгиром, – Слышал?

– Да... – великий посол посерел, – Да...

– Дай твой меч!

Аламгир вспомнил, о своей знаменитой сабле.

– Не убивайте меня... Возьмите... все... Отпустите...

Черный Гозаль выпрямился.

– А мы и так все взяли. А ты... Если хочешь пожить еще какое-то время, повесели нас. Умеешь? Поскули собачою, повоу, свиной похрюкай, поваляйся в пыли, сапоги полижи... Ну!

Аламгир на гуляющих ногах отступил назад. Повел перед собой дрожащими руками – откуда-то, наверное, из широкого рукава его халата, появился яркий платок. Аламгир махнул им. Из платка выпал еще один яркий лоскут, из него второй... Из третьего пролилась вода.

Непонятный стоял рядом.

– Ва-а... – по куче бандитов прокатился вздох удивления. – Ва-а!..

Аламгир скомкал платки в кулак, плюнул на него, разжал – в кулаке ничего не было. Аламгир выпучил глаза, вытянул рожу и с натугой вытащил изо рта круглый камешек. Выражение лица при этом у него было на редкость идиотским. Благодарные зрители засмеялись. Потом появился еще один камень и еще один. С каждым камешком рожа Аламгира становилась все более уморительной, а хохот зрителей все более буйным. Потом были еще чудеса – много.

– Хай-яй! – из разбойного гурта выкатился кривоногий полуголый человечек. Его лицо, лысая голова, подобная горшку с двумя ушами-ручками, растянутый рот, даже заскорузлые пальцы с черными поломанными ногтями – все было воплощенный восторг. Он уже просто не мог стоять на месте. Человечек подпрыгивал, приседал, хлопал себя по ляжкам, выбивая облачка пыли из засаленных шароваров. Он визжал, захлебывался, хохотал, содрогаясь вывалившимся из штанов голым пузом, тут же замирал, тая дыханье, заморожено внимая удивительным чудесам. Замирал, чтобы через мгновение снова взорваться ревом, хохотом, визгом. – Хай-яй!!!

Непонятный стоял где-то рядом.

Гозаль снова вышел вперед, его резкий голос перекрыл шум.

– Ну, довольно! Пора собирать товары и уходить отсюда. Убейте его.

Бандиты недовольно затихли. Кто-то потянулся к замер-

шему Аламгиру.

– Нет! Нет, клянусь Аллахом! Назад! – Голопузый бандит оттолкнул своего слишком исполнительного товарища, круто развернулся к остальным. В глазах его было что-то... что-то безумное и бешеное, что-то неистовое – возразить никто не решился. Человек растопырил руки, прикрывая Аламгира. – Нет, пусть колдует еще! Еще! Давай еще, ахит!

Аламгир неуверенно потоптался на месте.

– Мне нужна моя сумка. Вон она на седле.

Коня подвели поближе. Кинули сумку. Аламгир порылся в ней. Выпрямился, поднял руки над головой, хлопнул в ладоши, потом с силой ширкнул ладонь о ладонь – из рук его появилось пламя.

– Хай... – тяжелый выдох, глаза бандитов округлились – это было уже другое колдовство, непонятное. Страшное?

А низенький кривоногий не боялся – это был восторг – восхищение и благоговение. Еще!

Непонятный по-прежнему был где-то рядом.

Аламгир быстро поднес руку к губам, будто глотнул что-то. Резко дунул – изо рта ударило пламя.

– А-а... Зиндик... – бандиты отступили на шаг. – Маджус! Фарис! Марид! – восторг и удивление уже граничили с испугом. Только голопузый остался на месте – это же чудо! – Хай-яй!

Аламгир медленно и округло двигая руками, сделал пару осторожных шагов – вдруг что-то бросил резко и неувлимо

бандитам под ноги. Вай! Гулко гроыхнуло, повалил воноу-чий дым, застелил глаза. Сквозь едкую гарь ударил лошадиный топот – Аламгир вскочил в седло своего иноходца. Оппа! Ловите, придурки!

Разбойнички ошалело терли глаза.

– Хай-яй! – голопузый прямо с земли кинул тело в седло, взвил коня на дыбы. В пыли и дыму промелькнуло его черное от копоти лицо с безумными глазами и застывшим выражением восторга, дикое... – Хай-яй!

Кони летели бешеным наметом. Аламгир уходил, голый догонял. Он догонял. Аламгир распластался в седле, нахлестывал коня плетью, гнал, гнал... Голый догонял. Вот они уже рядом друг с другом.

– Хай-яй!

Аламгир оглянулся – он увидел восторг и безумие. Восторг и безумие на человеческом лице. Аламгир потерял повод. Иноходец сбился с шага.

– Хай-яй!

Маленький человек встал в седле на четвереньки, как обезьяна. Кони поравнялись.

– Хай-яй!

Человек прыгнул. Он ударил, вцепился – они вылетели из седла, покатались.

– Хай-яй!

Человек держал Аламгира за шею. Аламгир был оглушен, он ошалело водил глазами, руками пытался опереться

о землю. Хрустнули позвонки – Аламгир обмяк.

– Хай-яй!

Человечек вернулся. Свалил с седла мертвого Аламгира, как мешок. Соскочил сам. На его лице все еще был восторг, восхищение, благоговение.

Непонятный стоял рядом.

Черный Гозаль наклонился к Аламгиру. Порылся у него за пазухой. Вытащил кожаный футляр для свитков.

– Все! Товар собран. Уходим! – Атаман резко развернувшись, чуть не столкнулся с Непонятным. Обошел его, побежал к лошадям. Его люди уже ждали в седлах.

Голопузый отрешенно качая головой, и все еще восхищенно улыбаясь, пошел следом.

– Стой! – это Непонятный. Верхняя часть посоха отброшена – он превратился в меч. Тонкий меч на удивительно длинной рукояти. Голубоватый клинок описал свистящий полукруг. Нутрянной выдох – ха... Голый живот маленького человека раскрылся поперек. Рана длинная, ровная – рассеченная надвое брюшина разошлась, ощерясь как огромный безгубый рот. Разрез почему-то совершенно без крови – чистый, из него полезли скрученные сизые кишки.

Человечек закричал, упал навзничь на спину, загребая кишки руками.

– Смотри, чтоб в песок не упали, – посоветовал кто-то из шайки, – испачкаются.

Непонятный повернулся к бандитам лицом. Пятеро со-

скачили с коней. Непонятный отступил, завертел смертоносным посохом. Заскользил над песком неуловимо. Его сталь запела – так как учили. К тому времени как Гозаль рубанул его на скаку саблей, на земле валялось уже четверо. Непонятного бросили тут же.

Бандиты добили раненых, собрали караван и тронулись в сторону гор. Потом, уже через какое-то время, в дороге, они спрашивали друг у друга – кто это был, откуда взялся, и пожимали недоуменно плечами – непонятно.

Злой?.. Ты? Здравствуй, Злой. Я умер, мне раскрыли череп. Видишь, Злой, я ухожу от тебя. Ухожу к Доброму. Видишь? Что ты молчишь, Злой? Что ты улыбаешься?.. Что ты улыбаешься, гад?!

ПЕРЕКРЕСТОК 2

Перелистывать страницы.

Человек перелистывает страницы своей жизни. Он пишет их или всего лишь читает? Если читает, то кто их написал? А если пишет, то кто прочтет их? Другие люди? Но они пишут свое...

Вот доказательство существования Бога. Как ни прикинь, в любом варианте должен присутствовать Бог – либо писатель, либо читатель.

Я не могу надеяться на Бога, поэтому начал писать сам. А читать предоставляю вам.

Слишком много крови. Слишком много крови на этих страницах. Ведь это летопись – летописи пишутся кровью. Кровь долговечнее чернил, ее сложнее вывести, она остается в веках. Люди забывают многое – радость, счастье, любовь, и помнят кровь.

Брат Безымянный брезгливо поморщился и убрал фолиант в седельную сумку, он был книжником, но не любил крови.

Брат Безымянный и брат Указательный ждали брата Мизинца. Ждали в полутора переходах от Иерусалима.

Они сидели в тени унылой толстоствольной оливы. Их кони стояли рядом.

– Ты все время читаешь книги, брат Безымянный. Ты, наверное, прочел все книги на свете. – Брат Указательный без улыбки смотрел на брата. – Что ты хочешь найти в этих желтых страницах?

Брат Безымянный сощурился, едва заметно улыбнулся.

– Я ищу разгадку, брат Указательный.

– Разгадку чего?

Безымянный снова улыбнулся.

– Сам не знаю, брат. Я ищу ответ на загадку, которой не знаю. Я смотрю на солнце, на небо, на траву, на наши следы на песке, на людей, я читаю книги, вижу в них что-то мудрость или глупость – и не могу постичь... Мне кажется, что это что-то простое, такое ясное и видимое с первого взгляда, мне кажется, что стоит только спросить и сразу получишь ответ. Но я не знаю что спрашивать. Я ищу ответ на вопрос, который не могу задать... Ты думаешь, я сумасшедший, брат?

– Думаю, да.

Братья посидели молча. Заговорил брат Указательный.

– Когда я был еще совсем щенком, к нам в деревню пришел молодой поп, он проповедовал учение Бугумила. Он сказал, что в нашем мире борются зло и добро и что добро слабее. Тогда я решил, что добро надо подкрепить злом, и когда этого попа схватили и хотели сжечь за ересь, я напал на телегу, в которой ромейские солдаты везли попа в крепость, и выпустил им кишки. Нет, кишки я выпустил одному,

а другому я отрубил ногу. И когда я вытащил попа из клетки, он перевязал своей рясой обрубок ноги тому солдату и погнал лошадей к лекарю. Попа сожгли, а ромей выжил.

Указательный замолчал.

– И какая во всем этом мораль? – спросил Безымянный.

– А морали никакой не было, брат, потому что меня отравили на галеры. Правда, уже за другое... Но только с тех пор я всегда добиваю злых, чтобы хорошие сами себе не причинили вред... По-твоему, я дурак?

– По-моему, да...

Братья молчали долго.

– Тебе приходилось насиловать женщин, брат?

– Конечно.

– Тебе было противно?

– Когда я начинал первым – нет, а после других бывало и противно.

– А мне становилось противно, когда я спускал.

– Насиловать женщину, все равно, что искать разгадку жизни.

– Все равно, что ее разгадать.

Двое братьев сидели в куцей тени иерусалимской оливы.

– Уже полдень, – брат Указательный посмотрел на солнце. – Брат Мизинец опаздывает, надо ехать ему навстречу. Как бы чего не случилось.

– Да, ждать больше нельзя, на нас может наткнуться разезд храмовников. А брат Мизинец... я чувствую с ним бе-

да. В городе полно шпионов де Ридефора и Старца, к тому же брата могли узнать его прежние знакомцы, у тамплиеров хорошая память, – брат Безымянный взметнулся в седло. – Едем, брат.

– Едем.

Они нашли его почти сразу, чуть в стороне от дороги. Рядом с ним лежали трупы. Голова брата была вся в крови, он, кажется, не дышал.

Брат Безымянный коснулся пальцами его висков. Замер. Молчал очень долго.

– Он умер? – не выдержал брат Указательный. – Умер?

– Нет, – брат Безымянный подхватил Мизинца под голову. – Помоги мне, брат.

Вдвоем братья перенесли Мизинца, уложили поудобнее. Сунули под голову мешок.

– Он не может умереть. Он одержим. Чаша держит его.

– Разве так бывает? – Брат Указательный смывал кровь с головы брата. – Ты когда-нибудь видел, чтобы человек выжил с такой раной.

– Брат Мизинец выживет. Он поедет в Тулузу, так сказал брат Большой. А потом он вернется.

– А мы, куда двинемся мы?

Брат Безымянный обматывал голову Мизинца полосами ткани, пропитывая их густой мазью цвета малахита.

– Нас ждет Кипр. Но сначала мы поднимем на ноги нашего брата, – Безымянный закинул руку Мизинца себе на плечо. –

Помоги мне, брат.

– Хорошо, мой юный брат, а теперь скажи, в какого рода капитулы объединяются братья наши во Храме?

– Капитулов таких два рода, наставник, Генеральный капитул и обычный капитул.

– Верно. Что ты можешь сказать мне об обычном капитуле.

– Оный капитул собирается раз в неделю повсюду, где бы ни находились вместе четверо или более братьев. На этом собрании...

– Хорошо, юный брат, можешь не продолжать более. У тебя верная память.

Пожилой рыцарь прошелся по узкой келье.

– Верная память, цепкий ум, крепкая рука... Думаю, очень скоро я буду иметь честь повязать тебя поясом Иоанна.

– Благодарю вас, наставник, – почтительный ученик поднялся с трехногого табурета.

– Сиди, сиди, юноша. Ты, кажется, хочешь о чем-то спросить?

Молодой тамплиер склонил голову.

– Наставник, старший брат мой, вы много рассказывали мне об истории: об Ордене, о Риме, о Великом Карле – Новом Императоре. Вы говорили о повторении и чередовании, о тайнах, о пути, но я не знаю... может быть, я должен был догадаться сам, но я... Скажите, наставник...

– Подожди. – Рыцарь жестом остановил юношу. – Прежде чем ты задашь свой вопрос, я расскажу тебе притчу. Царь Соломон ехал однажды верхом на лошади и увидел у дороги прекрасную девушку. Царь мгновенно влюбился в нее и сказал: «О, прекраснейшая, не хочешь ли ты пойти со мною в мой дом?» Девушка спросила: «А что ты дашь мне, если я пойду с тобой?» У Соломона ничего не было с собой, кроме кольца. Он отдал девушке свое кольцо и посадил ее на лошадь позади себя. Через некоторое время царь Соломон обернулся, посмотрел на девушку, и она показалась ему не такой красивой, как прежде. Еще через некоторое время он снова посмотрел на нее, и она показалась ему уже совсем не красивой, и даже уродливой. И Соломон сказал ей: «Ты мне не нужна, слезай с лошади и убирайся прочь». Когда девушка слезла с лошади, царь потребовал у нее обратно свое кольцо. Девушка сунула руку в карман и вынула целую пригоршню колец – все они были одинаковы. Соломон не мог угадать, какое из колец его. И тогда девушка сказала царю Соломону: «Я – вселенная и бесконечность. Сколько уже Соломонов приходили ко мне и уходили. А сколько еще придут и уйдут».

Пожилой храмовник замолчал.

– А теперь, мой юный брат, задавай свой вопрос, если хочешь.

Ученик помолчал, потом медленно покачал головой. Заговорил наставник.

– Тогда послушай меня. Я хочу продолжить наш разговор об Империи. Ты готов?

– Да, наставник.

– Прошлый раз я рассказывал тебе о Риме, о властительном вечном Риме, об Империи... Империя – это великое благо. Для страны, для народа, для государства. Империя – это единый правитель, единый закон, единая монета. Это безопасные дороги и дешевые товары. Это мир и спокойствие для всех. Это наука и культура. Это – Высшая Власть.

– Высшая Власть?

– Да.

– Власть Бога? Власть именем Божиим?

– Власть Бога... Ты слишком торопишься, брат, ты только начал свой путь к тайному знанию. Главные секреты Ордена будут доверены тебе только после высшего посвящения. Тебе предстоит узнать еще очень много... Много такого, что, может быть, покажется тебе странным, и диким, и... еретичным. Ты готов к этому?

– Да. Я хочу знать... все. Мы создадим Империю? Да?..

– Эпоха империй прошла, брат. Карл Великий не смог воссоздать Рим. Вознесенный арабскими клинками Халифат развалился, даже Византия, последний осколок древнего величия пережила уже свою славу. Да, мы строим Империю, брат, новую Империю – Синархию. Лучшую, единую для всех народов и языков, вечную. Вечную как мир.

Молодой брат схватил наставника за руку.

– Ты говоришь о Царстве Божием, брат?

– Может быть. У Империи много названий. Какое из них останется в веках? Кто знает. Мы лишь скромные слуги, мелкое звено, в длинной цепи, ведущей к мировой Империи, еще от времен старого Рима. Мы выполним свою задачу и уйдем. Как многие служители до нас и многие после.

– Увидим ли мы Империю?

– Мы должны... Мы должны достигнуть Высшей Власти. А это возможно, только если в наших руках будет...

– Что?!

– Чаша.

– Кхай-пхе, помогай мне, Коркут. Кхай-пхе... Помогай мне, Бебе, и Наш Бог тоже, помогай, – неловкий Джохи кряхтя и попукивая, поднялся, наконец, на гребень каменной осыпи. – Кхай-пхе.

Зоркий Джохи огляделся кругом – пустыня. Камень, щебень и песок. Всю жизнь пустыня. Кругом пустыня. Кхай-пхе. А до стоянки еще далеко, хой, далеко – до самого вечера. Джохи перекинул хурджун с одного плеча на другое и начал спускаться. Через пять шагов он оступился и съехал вниз на собственной заднице.

Внизу потрепанный Джохи вытряхнул из чарухов понабившиеся мелкие камешки, opravил хурджун – и не удержался, сунул в него нос и протяжно нюхнул. Кхааа-й! Хороша травка, хороша! Не зря ходил, кхай – не зря! Такая тра-

ва – и песок в камень превратит. Уже сейчас чувствуется. Не наврала старуха-ведовка. Будет моя шидда, будет жена моя, а от такого, какой у меня будет, ни одна жена не уйдет, помогай мне, Коркут... и Наш Бог тоже помогай.

Дальше до лагеря путь был поровнее, и повеселевший Джохи зашагал довольно бодро. Он шагал кривой иудиной походкой, нелепо задрал левое плечо и отклячив тощий зад, то и дело спотыкаясь, оскальзываясь и притаптывая собственную тень.

Бедный Джохи был мичах – найденыш. Его нашли лет тридцать назад в разграбленном и разоренном лагере какого-то каравана. Мальчишку потоптали в свалке то ли свои, то ли чужие, то ли просто скотина. По какой-то случайности он не умер. Не умер и потом в племени. Хранитель, он был жив тогда, прозвал его Джохи. Лет через двадцать Шаншам убил Хранителя, и старик так и не успел объяснить, что значит это имя.

Беда нашего Джохи была в том, что он с детства помнил места, не похожие на пустыню. Помнил и тосковал по ним. Какие это были места и на что они были похожи, Джохи забыл. Но тосковать не переставал. Тоска эта особенно усиливалась ночами. Усиливалась она оттого, что Джохи не мог иметь жену. Во-первых, он не был воином, а во-вторых, он вообще не мог никого иметь. Даже кругляшок из собственных пальцев, как делали другие. Уж очень сильно потоптали его в детстве.

– Ничего! – Гордый Джохи подкинул на плече хурджун. – Теперь у меня все есть, и я поймаю шидду... помогай мне Коркут!

Эту шидду привез в старом сундуке Гайсан. Сундук он прихватил вместе с добром в каком-то доме в большом оазисе Таль. Пустынники напали на оазис днем, и шидда как раз отсиживалась в сундуке. Теперь сундук стоял в шатре, где ночевал бессонный Джохи. Джохи сильно тосковал той ночью. Все уже спали, и он единственный, кто увидел шидду. Она выбралась из сундука и стала осматривать свое новое жилище. Шидда очень удивлялась, ведь шидды живут в домах, а эта вдруг оказалась в кочевом шатре. Под утро шидда опять спряталась в сундук, а Джохи решил поймать ее и сделать своей женой.

Хитрый Джохи все разузнал у старухи ведовки. Поймать шидду, на самом деле, совсем не сложно, нужно только воткнуть стальную иголку в ее платье. Тогда шидда превратится в женщину, и будет послушной и покладистой. Правда, никто до сих пор не делал шидду женой, но ведовка сказала, что это вполне возможно, если найти траву мисурму, растущую на голом камне. Мисурма дает мужчине такие силы, что ни шидда, ни обычная женщина не смогут устоять перед ним.

Упорный Джохи искал мисурму три дня. Он облазил окрестности на полдня пути во все стороны. Джохи нашел мисурму и нес ее теперь к ведовке. Сегодня ночью шидда

будет его.

Кхай-пхе! Да поможет мне Коркут, Бебе и Наш Бог тоже!

Правая нога неосторожного Джохи ушла в песок. Песок подхватил, потащил его. Джохи упал на бок, по-тараканьи перевернулся на живот, раскинул руки, подтянул к себе левую ногу – хотел упереться коленом, толкнуть тело вперед... Колено ушло в песок. Джохи шарил вокруг руками, куда мог дотянуться, хотел подняться на локтях. Локти ушли в песок. Джохи рванулся всем телом, что было сил – и ушел в песок по пояс... Песок проваливался в самую чамчаму, и Джохи проваливался вместе с ним. В чамчаме жил Киамат, прародитель зла. Джохи вспомнил об этом и снова попытался вырваться из зыби. Когда песок набился Джохи в рот, он перестал кричать.

Смерть была такой, как живой Джохи и представлял – провал: во тьму, в бездну, в беспмятство – в черный ужас. Когда Джохи окончательно умер, он осмелился открыть глаза.

В чамчаме было темно, но не долго. Когда песок перестал сыпаться, толстый и пыльный луч света лег на пол и часть стены. Мертвому Джохи было тяжело и страшно, он ждал кого-нибудь из слуг Киамата. Ждать было тяжело, дышать было тяжело тоже. Когда Джохи выбрался из кучи песка, стало полегче. Когда прокашлялся и просморкался, стало совсем легко. Даже слишком легко. Джохи вспомнил о хурджу-не и испугался больше, чем когда умирал. Джохи снова за-

рылся в песчаную кучу. Хурджун нашелся. Видимо, помог Коркут.

Настороженный Джохи оглядел чамчаму и увидел Хембешая. Хембешай лежал у стены, он был огромным и безголовым. Джохи стал пятиться от Хембешая, а потом спрятался за песчаную кучу.

Примерно через час умный Джохи понял, что на самом деле он пока не умер. Во-первых, в царство мертвых не проникает свет, и там не видно неба, даже через дыру в потолке, во-вторых, Хембешай – чудовище наземное, а не подземное, и, в-третьих, Джохи хотелось помочиться, а мертвых не должны волновать плотские желания. Джохи слегка осмелел. Он высунулся из-за кучи, глянул на Хембешая. Так и есть – безголовый, ни глаз, ни ушей, ни носа. Ни увидеть, ни услышать, ни учуять Джохи Хембешай не сможет. Джохи показал Хембешаю свое презрение.

Возле Хембешая лежала толстая жердь, если ее поставить на вершину кучи и упереть в край дыры, то по ней вполне можно выбраться из этой ямы. Смелый Джохи стал бочком, бочком подбираться к жерди. Подхватил сухое дерево и только развернулся к куче, как тут что-то ухватило его за чарух. Джохи завопил и рванул к дыре. Как он вылетел на поверхность, Джохи сказать не мог.

Усталый Джохи сидел на краю песчаной воронки, в центре которой зияла дыра – провал в саму чамчаму. Джохи дышал – часто-часто, потом он разевал рот и орал, орал, сколь-

ко хватало дыхания, потом снова дышал, и опять орал – в его правую ногу вцепилась рука Хембешая.

Когда терпеливый Джохи все-таки обмочился, он осмелился тронуть руку Хембешая пальцем. Когда Джохи почти высох, он попробовал освободить свою ногу. Когда Джохи снова захотелось, он уже все понял. Это была латная перчатка – тяжелая, с хитрыми сочленениями пальцев, со стальными пластинами, напозающими одна на другую, подбитая мягкой кожей. Перчатка зацепилась кривым шипом за чарух, Джохи еле-еле оторвал ее.

Ошалевший Джохи примерил перчатку на правую руку, перчатка оказалась слишком большой. Примерил на левую – перчатка оказалась не на ту руку. Джохи хотел выкинуть перчатку к Коркуту, но потом передумал. Решил отнести ее предводителю Дамону.

Спасенный Джохи спрятал перчатку в хурджун и вприпрыжку побежал к стоянке племени. Надо успеть до темноты, он потерял слишком много времени. Кхай-пхе!

– Бальбандирет!

Юноша ухватил отцовского верблюда за узду.

– Удачен был ваш поход, отец?

Дамон перекинул ногу через обвисший горб, скатился с покатога верблюжьего бока.

– Удачен, сын, вернулись все. Хэн.

Дамон пошел в лагерь.

– Бальбандирет!

Юноша услышал, как клинок покидает ножны. Хэн! Бальбандирет пригнулся, уходя от удара – резко дернул верблюда вперед, прикрылся им, отскочил, на ходу обнажая свою саблю, ее подарил отец. А его уже догонял сверкающий смерч. Бальбандирет отбил один удар, другой, третий, он отступал, отступал, ноги не успевали, корпус слишком завалился назад. Юноша гибко вывернулся, ушел кувырком прямо под чужой клинок, вперед и в сторону. Атака замедлилась, но лишь на мгновение. Сабли сыпались и разлетались с блеском. Бальбандирет начал контратаковать, но вдруг потерял вражеский клинок... кровь ударила в голову, в уши, шибанула жаром – это смерть.

Бальбандирет замер.

– Слишком высоко держишь меч – защищая голову, забываешь о промежности.

Юноша проследил взглядом – чужой клинок снизу вверх, изогнувшись, будто клюв ибиса, прошел под его рукой и ткнулся почти в самый пах. Почти ткнулся.

– Ты не знал этого удара, сын? Я научу тебя. Хэн.

– Спасибо, отец.

– Идем, сын. Поймай верблюда.

Когда Дамон и Бальбандирет подходили к лагерю, они увидели несчастного Джохи. Джохи еле ковылял, его хурджун волочился по земле, ног подгибались, голова болталась из стороны в сторону, как ботало у коровы.

– Непослушный Джохи! Ты уходил со стоянки? – Дамон нахмурился – когда воины отправлялись в набег, в лагере каждый человек был на счету, мало ли что могло случиться.

– О-о... О, кхай-пхе... О, славный Дамон... – Джохи еле ворочал языком от усталости. – Ты не будешь ругать меня, если увидишь, что я принес тебе из самой чамчамы.

Джохи вывалил содержимое хурджуна.

– Колючки? Ты что, смеешься надо мной?! – Дамон, кажется, действительно рассердился.

– Хой... Нет, не то... – Джохи вытащил из сумы, снова зацепившуюся за что-то, латную перчатку. – Я отнял ее у самого Хембешая! Для тебя, о Дамон!

Дамон принял перчатку из рук Джохи. Примерил на правую руку, перчатка оказалась велика, хотел примерить на левую, но передумал и передал Бальбандирету. Тот жадно схватил ее, натянул на руку.

– Эх! Велика самую малость! Какая замечательная перчатка, отец!

– Где ты нашел ее, удачливый Джохи? Сможешь показать место? – Дамон положил Джохи руку на плечо.

– Конечно, господин мой, конечно!

– Там, где была одна перчатка, должны быть и остальные доспехи. Хэн! Но нам пора уходить с этой стоянки... Мы найдем их, когда снова вернемся в эти края, – Дамон повернулся к Бальбандирету, посмотрел на его руки, плечи... – А ты пока подрастешь, сын мой. Я думаю, скоро доспехи

Хембешая станут тебе впору. Не зря твоя мать Вельда принадлежит к роду северных великанов. Ты молодец, Джохи, приходи сегодня кушать кебаб в мой шатер. А эти колючки, их не станет есть даже черный верблюд Шайтана. Бальбандирет, собери их и брось в костер, а то кто-нибудь разорвет о них свои чарухи. Что с тобой, невеселый Джохи? Идем, у меня есть, чем угостить тебя и до кебаба. Хэн!

Вечером отец и сын смотрели на Бога.

Бог был черен, ноздреват, похож на камень. Глава рода и будущий Хранитель ждали, когда Бог откроет им свой лик.

Бальбандирет увидел первым.

Черная неровная поверхность Бога ожила – бугры, впадины, сколы мертвого камня двинулись вдруг, подобно шершавой коже, натянулись на скулах, сложились на лбу морщинами, нависли тяжелыми веками над глазами. Бальбандирет вздрогнул – это превращение неживого камня в живого Бога, оно так... непонятно... каждый раз... всегда... Мальчик еще не привык к чуду.

Сегодня Бог был добр к нему. Бог улыбался – глазами. Насмешливо, с прищуром смотрел на мальчишку. Что, взял в руки меч и чуть не потерял свои причиндалы? Чем тогда хвалился бы перед девчонками?... Глаза выпуклые, один выше другого. Нос едва угадывается в камне, а рта совсем не видно. Бальбандирету нравился этот лик Бога. Когда Бог являл его, Бальбандирет считал день удачным.

Дамон тоже увидел.

Бог вышел из черной каменной глубины, лег тенью на ко-
ржавую поверхность. Дамон кивнул ему. Сегодня Бог был пе-
чален. Печален и сосредоточен. Губы поджаты, взгляд опу-
щен. Бог тоже думал о племени. Добыча, это хорошо, но со-
седи уже наверняка поняли, откуда совершает набеги ма-
ленькая шайка пустынников. Да, да, надо уходить в сердце
Нефуд, туда, куда рискнут пойти немногие, да и те не смогут
добраться до тайных оазисов. Ведь у них нет Своего Бога.

Отец и сын возложили руки на Бога – одновременно. Бог
вошел в них. Бог был в них. Он лечил душу, врачевал те-
ла, вселял уверенность и спокойствие. Продлевал жизнь, от-
гонял старость. Он насыщал божественной эманацией. Бог
держал их. Бог вел их сквозь время. В века.

– Что такое время?

– Река. Она течет из будущего в прошлое. Волны на ней
это секунды, минуты, часы – мгновения. Они накатывают-
ся на нас – одно, другое, третье, и уходят дальше. Та волна,
которая захлестнула сейчас – это настоящее, та, что придет
следом – будущее, а та что прокатилась – прошлое. Мы сто-
им в реке времени неподвижно, а она течет через нас, сквозь
нас. По реке плывут события – листья, ветки, поваленные
деревья, откуда-то с верховий. Они касаются нас, задевают,
иногда ранят, иногда сметают со своего пути. Мы пытаемся
защититься, отталкиваем от себя скользкие тяжелые стволы,

барахтаемся, поднимаем муть, которую уносит вниз по течению, в прошлое. В наше с вами прошлое. А для других оно будущее, для тех кто стоит ниже по реке. Будущее или настоящее.

– Можно ли вернуть прошлое или попасть в будущее?

– Да, если поплыть по реке. Поплывешь вверх по течению – попадешь в будущее, поплывешь вниз – попадешь в прошлое. А если тебя понесет волной – время для тебя остановится.

– А можно выйти из реки времени и встать на берегу?

– Нет.

– Почему?

– Потому что там уже стоит Злой.

– Кто может плыть по этой реке?

– Боги. И Бессмертные, что, впрочем, почти одно и то же.

– Что ты знаешь о Боге? Ты видел его?

– Я видел Бессмертного.

– Какой он?

– Как все люди, почти. Когда людей убивают – они умирают. Когда воскрешают – возрождаются. А он возродился, когда его убили.

– Что это значит?

– Только то, что смерть есть рождение, рождение – смерть. Или наоборот. Хотя... наверное, нет.

– Ты, кажется, заврался, глупый мудрец. Расскажи лучше сказку.

– Слушай, добрый человек. Когда-то давно жил в Персии знатный вельможа из рода Бармакидов. Он убивал колдунов.

– Зачем?

– Наверное, от страха. А может потому, что считал себя сильнее их. Он убил их много, он был очень ловок в борьбе с ними. Но однажды он сам попался в руки страшному колдуну. В Багдаде его знали под именем Кашнур. Этот колдун был рум. Он хранил мудрость древнего Юнана и старого Рима. Колдун мог превращать людей в животных. Это очень страшно – потерять человеческий облик. Но самое страшное – колдун мог превращать животных в людей.

– Людей в животных, животных в людей? Не вижу в этом никакого смысла.

– Враг, превращенный в животное все равно, что убит. Только гораздо хуже. А зверь, обращенный в человека... я не знаю что это. Этих людей-нелюдей колдун заставлял служить себе. Женщина-змея завлекла Бармакида в ловушку, и Кашнур превратил его в отвратительного нетопыря, сосущего по ночам кровь у спящих людей. Несколько лет летал Бармакид нетопырем, и все искал он логово колдуна.

– Он хотел отомстить.

– Да, а еще он надеялся найти способ вернуть себе человеческое обличье. Бармакид выследил Кашнура в Карпатских горах. Жил колдун в огромном замке над пропастью, и нелюди служили ему. Убил нетопырь колдуна – ночью насосался его крови, а утром когда тот, ослабевший, поднял-

ся на башню, столкнул дьявола в пропасть. Снова стал нетопырь человеком, но то ли не до конца развеялись черные чары, то ли выпитая кровь колдовская подействовала, но только осталась у Бармакида способность превращаться в летучую мышь и мучила его по ночам невыносимая жажда крови. Поселился Бармакид в карпатском замке, а нелюди – слуги Кашнура разбрелись по свету и разнесли они с собой не добро и не зло, а что-то непонятное, нечеловеческое.

– Дурацкая сказка, старик, и слышал я ее раньше совсем по-другому. Опять ты все переврал.

– Может быть, добрый человек, тебе нужно предсказание или пророчество? Или совет? Это я тоже могу.

– Не нужно, рыночный мудрец, обойдусь без твоих советов, а в пророчества я не верю.

– Ну, что ж прощай, прощай, добрый человек. Но один совет я тебе все-таки дам, причем совершенно бесплатно... бойся женщины-змеи... Бойся ее, добрый человек. А теперь иди. Мы еще увидимся с тобою... увидимся, Черный Гозаль.

– ...Эй! Подходите, подходите, добрые люди! Продаю пророчества, предсказания. Недорого продаю мудрость. Даю верные советы. Подходите – дешево отдаю сказки, совсем даром правдивые истории. Подходите, добрые люди. Подходите... Правде цена медяк. Мудрости – два медяка. Подходите, добрые люди Трижды Святого города Иерусалима.

Глава ВТОРАЯ

Бродяги, воры, разбойники, профессиональные нищие, наемные солдаты – люди, у которых хватает ума и силы жить не так, как другие. Не ковыряться в земле, не горбатиться за ремеслухой, не прислуживать богатеям – для чего: все равно случится засуха или наводнение, жирный мытарь отберет выручку, капризный хозяин выдерет плетью и прогонит со двора. А то и просто придет кто-то, кто отнимет все, что можно отнять. У воров, бродяг, наемников и нищих свой промысел. Он не зависит ни от погоды, ни от хозяев и чиновников. Только от силы, наглости, изворотливости, ловкости. Только от собственных рук и ног.

Знаете, что такое дом? Это место, откуда тебя никто не может выгнать, а ты можешь выгнать любого. Есть у вас такое место? И я думал, что у меня оно есть, пока... но словом у вас его тоже нет. Вас может выгнать ушлый родственничек, домовладелец, кредитор, иноземный солдат, пожар, наконец... У этих людей нет дома. Их дом вся земля, весь этот мир, куда смогут донести их босые подошвы. И изгнать из этого дома может только смерть.

Там, где люди в силах, они стягивают землю ремнями – люди не любят свободную землю. Ремни врезаются в тело земли, и их называют дорогами. Чем больше дорог, тем тяжелее земле и легче людям. Но земля хочет свободы, хочет

разорвать ремни, и она выпускает на дороги зло.

Шарр-ат-Тарик – «зло дороги», разбойники, бродяги, нищие, наемники. Часто они и одно, и другое, и третье. Зло дороги.

Я не могу больше ничего к этому добавить.

Черный Гозаль шел по Иерусалиму. Он не боялся – о нем знали все, но его не знал никто.

Гозаль почему-то любил этот город. Он как-то особенно чувствовал его. Гозаль остановился на перекрестке у маленького базарчика, потянул ноздрями воздух – город был пряным. Это был даже не запах, нет, Гозаль так чувствовал Иерусалим. Пряный город, пряный. Захотелось чихнуть. Гозаль запрокинул голову, посмотрел высоко-высоко, так что закружилась голова – на солнце. Солнце было веселым, сразу чихнулось, еще, и еще раз. Веселое солнце. Гозаль зажмурился. Город пропал, а солнце осталось. Веселое.

За переулком жестянщиков Гозаль остановился перед огромной лужей дерьма, вытекшей из сточной канавы. В канаве и луже деловито копошились какие-то люди.

Воняло вокруг ужасно.

Эти люди были «жуки» – городские золотари-дерьмочисты, чистильщики сточных канав и уборщики падали. Их называли «жуки», должно быть потому что они все время возились в навозе. Это был целый небольшой клан, ремесло в нем передавалось из поколения в поколение, наверное, еще

со времен римлян.

Мимо Гозаля, разбрызгивая бурую жижу, пробежал плотный мужичек-дерьмочист с двумя кожаными ведрами в руках. На высокие туфли, шелковые шаровары Гозаля упали зловонные капли. Черный закаменел лицом, рука сама собой полезла за пазуху. Дерьмочист, будто почувствовав неладное, остановился. Он выпустил ведра, вытянул откуда-то из-за спины деревянную палку с крючковатым железным наконечником, что-то вроде багра. Ведра осели, накренились, волнами выпуская свое содержимое. Содержимое потекло в сторону Гозаля.

Мужичек-дерьмочист широко улыбнулся:

– Шел бы ты, добрый человек, восвояси, а то запачкаешься.

Мужик издавал вонь и добродушие. Чтобы не запачкаться, Гозаль обогнул лужу и пошел дальше.

В храме Марии Латинской начиналась служба. Гозалю было наплевать на службу и всю эту латинскую дребедень. Он ждал встречи.

На службу подтягивались прихожане. Закрытый паланкин остановился чуть в стороне от храма. Слуги поставили его на землю и отошли. Гозаль подобрался к паланкину так, чтобы тот загоразивал его от любопытных глаз.

– Госпожа?

– Да, Черный... или... как мне называть тебя?

– Зови как угодно, я не боюсь, даже если кто и услышит.

– Как твое дело, Гозаль?

– Я потерял своих людей, а добыча была дрянь. Караван маленький, и груз... дрянь, дерьмо.

– Что с моим поручением? Ты нашел футляр для свитков?

– Я ничего не выгадал с этого чертова каравана. Продавать чертов товар – больше потеряешь. А у меня много людей, они хотят денег.

– Если ты добыл футляр, я дам тебе денег. Твои люди будут довольны.

– А я? Помнишь уговор, госпожа? Я просил за свою работу другого...

– Ты получишь все, о чем мы договорились. Дай футляр.

– Я не захватил его с собой. Забыл. Ведь ты тоже не захватила с собой золото?

– Я забыла. Но если ты придешь ко мне завтра вечером, я расплачусь с тобой сполна и за все.

– О, благодарю, госпожа! Для меня такая честь прийти к вам в дом... Ты ведь теперь такая благородная дама, ты даже стала ходить в церковь.

– Конечно, ведь мой покойный муж был бароном короля Иерусалимского.

– Все твои покойные мужья были высокими людьми.

– Мои мужья тебя не касаются, Черный, они мертвы, а ты пока нет... Ты понял меня?.. Куда ты смотришь?

В храм входила девушка. Вокруг нее было много людей, но для Гозаля была только она... Тоненькая – Гозалю пока-

залось, что он мог бы обхватить ее двумя пальцами... и сломать: стоит только сжать чуть сильнее – и девушка переломится как камышинка. Она была прозрачная, эта девушка, свет проходил сквозь нее, она вся светилась. Она слишком светлая, слишком хрупкая – это страшно. Гозалю вдруг стало страшно, что он может повредить ей, коснуться нечаянно, даже взглядом, и она умрет. Гозалю стало страшно, что кто-нибудь дотронется до нее.

– Кто это?

– Где?

– Вот, подходят к храму.

– Это? Это старик де Ги с сыном, дочерью, ее женихом и прочими домочадцами. А что...

– Она такая красавица. Волосы белые!

– И ты туда же. Далась всем эта бледная девка!

– Мне пока не далась, но клянусь адом дастся...

– Что ты бормочешь? Я хочу, чтобы завтра вечером футляр со свитками был у меня, ты понял, Черный Гозаль?

– А я хочу, чтобы к моему приходу у тебя было мокро между ног, благородная госпожа. Прощай!

– До встречи, Гозаль. А ты, беляночка леди Джоанна... розовое ушко, белокурая прядка... жди от меня подарочек. Ой, жди, красавица, что-то слишком часто ты стала попадаться на моем пути, слишком. Ну, обернись, обернись, детка... Посмотри мне в глаза! Видишь? Видишь меня? Нет? Ну и хорошо. Хорошо... Иди, детка, молись своему богу.

На ночь Черный Гозаль не взял себе проститутку.
Брат Безымянный и брат Указательный не легли спать.
Рыночный мудрец не писал.
Добродушный «жук» не бил жену.
Таинственная госпожа не колдовала.

А тот, кто был Непонятным, видел сны о незнакомой свет-
ловолосой девушке.

Утро никто не ждал, и оно пришло как обычно.

Капала вода. Где-то далеко, далеко. Медленно. Человек не видел воду, но он слышал ее. Сначала капля показывалась из маленькой дырочки у самого дна медного сосуда. Она едва выглядывала, словно одним глазком – подмаргивая от любопытства. Потом капля росла, росла, неровно, толчками, и смотрела вниз, во тьму. Капля толстела, наливалась, как спелая слива. Черенок, связывающий ее с влагой сосуда, становился все тоньше, потом он обрывался – капля на неуловимо долгую секунду превращалась в шарик, а потом разбивалась. Это был кап... ведь вода капала.

Человек облизал пересохшие губы. Язык был огромный и шершавый. По лицу человека текла вода. Человек ненавидел воду и хотел пить ее, но по его голове били кувалдой. Сначала кувалда била снаружи – монотонно, через дьявольски равные, отмеренные секунды. Человек сжимался в дрожащий комок, боялся и ждал удара. Каждый раз кувалда би-

ла неожиданно. Она была в темя, все время в одно и то же место, в одно и то же место, в одно и то же... Чтобы хоть как-то сбить вымеренность ударов, человек старался двигать головой. Потом кувалда стала бить изнутри и человеку стало все равно. Кувалда взрывалась в его голове, и ударяла сразу в лоб, в темя, в затылок, в глаза, в уши – оглушительно била в уши. Но человек все равно не переставал слышать капли.

Человек не знал, как долго он слушает капли – было слишком темно. Человек начинал молиться богу, но забывал, как его зовут. Он звал сестру и только хотел порадоваться ее выкидышу, как вдруг увидел племянника – он был девочкой. Той самой, которую человек завел к себе, накормил, вымыл, но у него не получилось, потому что он старый и умирает. Он умирает, и сестра умерла, а не племянник. Она врала, что это он заделал ей племянничка. Это был тот хвостатый англичанин, и он, конечно, вспомнил бы как зовут бога, если бы не было так темно...

Хватит.

– Хватит, а то он сойдет с ума и ничего нам не расскажет. Зажги еще один факел, слишком темно. Дай ему пить. В этом подвале так ужасно воняет. Эй! Тадео, ты узнаешь меня?.. Ну, не бойся, не бойся так, старенький Тадео, тебе все равно скоро умирать.

– Ведьма... ты... что... тебе... – Мастер Тадео с трудом переглатывал. Горло болело – когда его душили, чуть не сломали кадык.

– Мне нужно знать, что ты передал своему курьеру в кожаном футляре для свитков и куда курьер это должен увезти. Отвечай, Тадео, ты знаешь, я не люблю пытаться людей без нужды, но мой слуга... – женщина показала на кривоногого коротышку с факелом в углу подвала – мой слуга любит.

Мастер Тадео попытался пошевелиться в веревках, притягивающих его к высокому тяжелому стулу.

– Я... да... скажу...

– Говори, говори, Тадео. К чему ты залез в эту возню вокруг Чаши? Тебе, что не хватало богатства?.. Коротышка, ты дал ему пить?

– Я не знал про Чашу... Меня просто наняли... из Византии. Собрать сведения о купцах. Они хотели знать о купцах от Константинополя до Багдада и аравийских пустынь... Искали купца, который не останавливается на одном месте больше шести-семи дней, который все время путешествует. Я знаю всех купцов, я нашел такого... даже двух. Я отправил пергамент на Кипр. И еще свитки, запечатанные, я не читал их, мне их дали, чтобы я переправил тоже. Я не знал про Чашу – правда... только потом понял... и шпионы спрашивали, те двое... купец и бродяга... Я не знаю, какая связь между Чашей и купцом, который все время в пути... Вот все, вся правда... Ты не убьешь меня, как тогда?..

На лицо женщины упал бледный отсвет – это отворилась дверь в подвал. Женщина повернула голову в сторону света. Тонкое красивое лицо, не доброе, не живое, темное. По лест-

нице пустился слуга, зашептал что-то на ухо госпоже. Она смотрела на пленника.

Тадео потянулся к ней. Веревки врезались в его рыхлое тело.

– Ты не убьешь меня?

– Не торопись, Тадео, мне нужно идти. – Женщина улыбнулась, губы у нее были тонкие, между ними мелькнул быстрый язычок. – Мы еще поговорим с тобой... Дай же, наконец, ему пить и развяжи его.

– Спрашивай, я все... все... х-х... – Тадео вдруг заперхал, захрипел, дернулся и обвис на веревках.

– Эй, Тадео, старичок! Шевельни его, – это она уже слуге, – что с ним?.. Сдох? Черт, неудачно. Развяжи его... нет, пить можешь не давать, идиот. Бедный старенький Тадео...

– Ты звала меня, я пришел. – Гозаль ждал в комнате своей госпожи. – Ты не рада видеть меня, прекрасная госпожа?

– Ты пришел не вовремя, Гозаль.

– Разве? Ты сказала прийти вечером, я пришел.

– Футляр! Дай футляр.

– Вот он. Бери. Ну, а теперь...

– Да, Черный Гозаль, я заплачу. Сейчас... Сейчас.

– Ляг! – она ударила его в грудь. Он опрокинулся навзничь – она вскочила на него, темная, гибкая – прижала, скользнула по его телу своим, извиваясь. Ее кожа блестела,

она была гладкой и холодной – глянцевой. Масляный свет лампы стекал с нее.

– Дай!

Ее пальцы острыми коготками пробежали от промежности до горла.

Гозаль захрипел, он перехватил тонкие смуглые запястья.

– Ты... ты задушишь меня! Пусти...

Она ласкала его. Кусала, впивалась, трогала языком. А его тело колотила дрожь. Липкий холодок поднимал волоски. По-звериному, жутко.

Ему показалось, что ее язык обвился вокруг его плоти. Обвился, стягивая возбужденный ствол в плотную спираль, будто шершавый выюн. И... он стал двигаться, ее язык – сразу, по всей длине, то сдавливая, то отпуская – двигаться от корня до самого кончика, туда и обратно – высасывая, выдаивая, выдирая из члена... Это жутко, сладко, цепеняще, до холода в мошонке – Господи!

Она направила его в себя, вбила – жадно, хищно... Замерла. Сладко покачалась на нем. Обхватила его там внутри, сжала. А потом ударила резко, и еще, и еще раз. И еще... Она насаживалась, насаживалась на него, билась, накручивая бедра.

Ее руки впились ему в грудь – он не замечал. Словно спелая вишня кровью, лопнул сосок – он не почувствовал.

Это сладко, слишком сладко и страшно, слишком страшно – для человека. Наверное, так умирают – так сладко. Он

хотел закричать. Закричать, но дыханье перехватывало – она поднималась. Он хотел оттолкнуть, сбросить ее с себя, но она опускалась, и он сжимал ее бедра и двигался ей навстречу – еще. Он умолял ее – еще. Еще! Онемевшими губами, невидящими глазами, умершим сознанием он умолял ее – еще. Еще! Еще мгновенье этой пытки и... все... Все, все, все!.. Все, что есть в душе, в голове, в сердце, в чреслах, поднялось, вздыбилось черной волной, струнулось с места... Сука! Она зашипела. Она вырвала из себя содрогающуюся плоть. Она откинулась назад, и волосы взвились за ее спиной будто черный капюшон, глаза сверкнули в темноте пугающе ярко – желтым. Она зашипела. Боже...

Плоть в ее ледяных руках разразилась кровью, вместо семени, и тьма вошла в ее глаза, и сложилась в вертикальный зрачок.

Давешний дерьмочист и оборванный философ, торгующий на базаре своей мудростью, сидели у канавы, прислонившись спинами к теплой известковой стене. Они грызли черствые дерьмочистовские лепешки и разговаривали.

– Бог, суть существо непознаваемое скорбным человеческим разумом. Все сведения о своей природе Бог доносит до нас через вдохновенных пророков. Лишь опираясь на эти божественные откровения, вложенные в уста смертных, говорим мы: Бог есть то, Бог есть се, или наоборот, – мудрец дожевал свой кусок запеченного теста и бросил косвенный

взгляд на котомку дерьмочиста.

Жук вытащил из котомки новую лепешку, разломил ее, оглядел половинки и отдал мудрецу большую.

– Пророки, оно конечно, да, куда же без пророков. У нас на базаре пророков этих как шелудивых собак – достойное ремесло, достойные люди, кроме того, который ходит под себя, когда разорется. Но вот смотри, положим я – надясь говорю своему малому: беги к мамке и скажи, что я мол иду домой, но сначала загляну к матери Гейберде, а то напротив них опять канаву забило, и все это дерьмо течет клиентам под ноги. Ну вот, прибежал пацан-то домой и говорит: тятка опять забил на все это дерьмо и пошел к блядам. Ну, моя, ясно дело, разъярилась и разбила мне всю морду, когда я под утро вернулся-таки домой. Вот что бывает, когда вкладываешь свои слова в чужие уста. – Дерьмочист в подтверждение своей речи кивнул головой и вложил в свои уста горлышко глиняной фляги.

Философ сглотнул.

– О, достойный чистильщик канав, ты поступаешь не совсем корректно, уподобляя себя Господу, а своего пацаненка вдохновенному пророку. Но ты прав в одном, мы мало что можем достоверно сказать о Боге, и те знания, что он дает нам через своих пророков, слишком путаны и туманны. Но у любого явления имеется основное свойство, главный признак, который определяет саму сущность означенного явления, как, например, у солнца – свет, у огня жар,

у воды влажность. Так и у Бога есть главный неотъемлемый признак, свойство, которое он являет нам постоянно, и, зная которое, мы можем достоверно сказать, кто есть Бог. – Философ помолчал значительно. – А Бог есть – Творец. И основное божественное свойство есть свойство творить. Оно суть главное и определяющее божественную природу. Бог сотворил все сущее – небо, землю, всех тварей, и людей, и их бессмертную душу. И, сотворив людей, Бог проявил для нас самого себя, свое главное определяющее свойство. И этого одного уже достаточно, для того чтобы понять Божественную природу, а все остальное только дополняет главное, – мудрец шумно перевел дух и припал к благословенной глиняной фляге дерьмочиста.

Жук с минуту переваривал услышанное. Потом тоже глотнул из фляги. Потом посмотрел на небо, на канаву, на побережье которой они сидели.

– Ты красиво сказал, мудрец. О, как ты красиво сказал! И умно. Но вот, положим, возьмем к примеру выгребную яму. В ней живут опарыши. Живут в дерьме, жрут дерьмо и радуются. И несколько раз в день к ним сверху валится дерьмо. И эти опарыши думают, что Человек (их божество) дает им еду и среду для житья. И они думают, что это его главное свойство. По-ихому выходит, мудрец, что наше с тобой главное свойство – срать. И Человек есть – Засранец! Так?.. Нет, не так, никогда не поверю, что я засранец, а остальное только дополняет главное. Вот может быть то,

что мы принимаем за главное свойство Бога, для него самого не более важно, чем для нас навалить дерьма в выгребную яму. А? Что ты на это скажешь, мудрец?

Мудрец, кажется, не нашелся, что сказать, и поэтому замолчал.

Молчание нарушил неугомонный дерьмочист.

– Смотри, мудрец, вон идет дуралей с блаженным выражение на морде – не иначе как оттраханный женщиной-змейей. Смотри, у него даже ноги подгибаются.

– Где? А... да, похоже ты прав, достойный чистильщик канав, этот человек, я даже знаю, как его зовут, действительно имел сношение с женщиной-змеей. Его глаза обращены вовнутрь, нежели вовне, и задернуты туманной поволокой, похожей на змеиное веко.

– Не знаю, как на счет глаз, но штаны у него спереди пропитаны кровью – это верный признак. Ох, уж эти мне люди-звери, я однажды сам чуть не попал под женщину-свинью, хорошо, что вовремя увидел позади нее маленький хвостик, а то откусила бы она мне все мое хозяйство – и оскоромился бы, и душу потерял. А еще однажды зашел я к Сарре-вортунье...

– Да, встреча с женщиной-зверем опасна, смотри, этот человек даже идти не может, сел прямо на голый камень и сидит. Силы еще не скоро вернуться к нему. Едва только к завтраму.

– Бедолага. И как только произродилась такая погань

на человеческую голову, как Господь допустил такое!.. Я имею в виду не дурака, а человекозверей.

– Господь тут ни причем, люди-звери – дело рук румийского мага Кашнура, это его создания. И...

– Вот уж нет, ничуть не бывало! Люди-звери произошли сами собой, естественным путем, из диких животных по Божьему недогляду, а не по помыслу Божьему, как мы. Это были самые первые люди на земле, еще до Адама и Евы.

– Ты, ошибаешься, легковерный Жук, достоверно известно, и в тайных летописях записано...

– Да, что ты мне будешь говорить! Уж я-то...

– Смотри, он упал! Надо помочь ему, а то городские шакалы ограбят и поглумятся над ним.

Философ стал кряхтя подниматься.

– Да ему уже ничем не поможешь! – Разумно возразил дерьмочист, но, тем не менее, поднялся тоже. – Стоит один раз сойтись с женщиной-зверем, и считай душа твоя пропала на веки. Или змея затрахает его до смерти и выпустит ему всю кровь, или он умрет от тоски. Уж я-то знаю.

Жук и мудрец подняли человека под руки. Мудрец, к удивлению дерьмочиста, совершенно озаботился судьбой этого человека.

– Куда бы его оттащить, в какое безопасное место?

– Давай отнесем его в госпиталь к иоаннитам, или лучше к тамплиерам, у них принимают всех, а не только христианских паломников.

– Нет, что ты, нельзя чтобы этого человека видели. Это же...

Философ заткнул себе рот.

– Кто?.. Кто это? Ох, мудрец, чего-то ты скрываешь от меня. Ну, ладно, не хочешь говорить, не надо. А его можно отнести к колдовке с улицы проституток, она бы его быстро поправила. Только у меня нечем ей заплатить.

Философ облегченно выдохнул.

– У меня, по счастью, есть несколько медяков.

Жук пожал плечами.

– Ну, тогда пошли.

И два любомудрых милосерда и сердобола поволокли несчастного через весь город к старой колдунье с улицы проституток.

Черный Гозаль бредил той ночью в каморке у старой колдуньи с улицы проституток. Он обращался к своему Единому. Он бредил так:

Пустыня. Пусто, пусто. Смерть и пустота. Пустота смерти. Наш Бог, дай сил, накорми, напои. Ты Дьявол? Он Дьявол, мать? Кто этот камень в шатре Хранителя? Кто я? Шаншам? Или... как там меня назвал дед, которого я убил? Это был родной дед, он хотел учить меня Завету, как и ты, мать... и Хранитель учил меня чему-то... Все учат меня, а Бог? Бог, почему не учишь ты? Потому что я не хочу? Я не хочу говорить с тобой, поэтому спрашиваю и отвечаю сам. Кто ты?

Отражение мое в небесах, или это я отражение твое на земле? Что ты делаешь? Ты убиваешь меня, или это я убиваю тебя в себе? Бог, который спустился на гору, почему ты вернулся обратно, а не остался со мной, как тот бог, другой, который умер? Я черный, и бог мой черный, а не Сатана, который – Бог Свет. Я стал таким, как ты – злым, мстительным, мелочным и сварливым. Это ты сделал меня таким или мать? Бог, живущий в камне – идол? А на небе – голубь? А в земле – червь? А в душе?

Черный Гозаль бредил не размыкая сухих губ. Дерьмочист трахал старую колдунью, а мудрец подглядывал за ними через тростниковую занавеску. У колдуни было крепкое поджарое тело и свежие, не знавшие молока, груди. Мудрец смотрел на колдунью и ничего не хотел.

Гозаль оклемался лишь к полудню. В голове было горько от ведьминых отваров, но муть и слабость прошли. Гозаль сел. Голову чуть повело и отпустило. Вошла ведьма. Гозаль дернулся прикрыть наготу. Все равно.

Ведьма сунула ему в руки чашку. В чашке было что-то густое и черное. Пей.

– Что это?

– Кровь газели. Пей, ты потерял много крови.

– Что со мной было? Меня ранили?

– Нет, женщина-змея сосала из тебя и не затворила рану, ты чуть не истек кровью.

– Кто? Кто сосал?

Из-за плеча колдуньи высунулась голова мудреца.

– Та баба, с которой ты сношался. Помнишь?

– Да. Я... я должен пойти к ней?

Мудрец и ведьма переглянулись.

– Хочешь еще?

Гозаль закрыл глаза. Он только сейчас почувствовал это. В груди. Да, там где положено находится душе – пустота. Хочет еще? Нет, он ничего не хочет. Для чего? Это пустота... надо... ему надо – надо уничтожить, забить, залить, заполнить эту пустоту! К ней! Госпожа! Госпожа моя! Только ты!..

Мудрец и ведьма успели навалиться на него, вдавили в лезжанку.

– Сейчас он отойдет.

– Что?! Так быстро!

– Да нет, я говорю, успокоится сейчас. Вот, все, – колдунья отпустила обмякшую руку Гозаля, убрала колено с его груди. – Объясни ему, мудрец.

– Ага. Гозаль, Гоza-аль, слышишь меня? Я друг, слышишь? Ты попал под женщину-змею, Гозаль. Она попробовала твоей крови и трахнула тебя. Ты теперь заражен, слышишь. Она поработила твою душу. Тебя будет тянуть к ней снова и снова, и ты не сможешь противиться этой тяге, ты будешь ходить к ней, и она будет пить твою кровь, пока всю не высосет. А если не пойдешь, то засохнешь от тоски. Примерно за месяц. Понял? У тебя вчера был черный день, Го-

заль.

Гозаль пошевелился, словно примеряясь к непослушному телу.

– Я не верю тебе, старик.

Колдунья провела Гозалью по лицу влажной тряпкой.

– Открой глаза, сынок, посмотри на свой член.

Гозаль посмотрел. Застонал глухо. И сразу почувствовал боль.

– Что мне делать?

Колдунья снова протянула чашку.

– Ты должен убить змею, тогда освободишься. Убить сам, своим руками. Иначе смерть.

Колдунья ушла.

– Да, Гозаль, да, слушай ее, она мудрая женщина, хоть и богомерзкая, – мудрец наклонился к самому уху Гозаля. – Гозаль, Гоза-аль, а ты догнал тот караван, догнал а? Догнал? А бумаги, бумаги, ты забрал у индуса бумаги? Нет? А девал куда? Отдал? Ей, да? Ей? – Мудрец сильно задумался, забормотал. – ...И купец Тадео пропал. Зачем я... все смотрел со стороны... Вмешаться... Совет... Надо было забрать самому... За ним, наверное, следили...

– Племянник.

– Что?

– Это племянник продал дядюшку – купца, если ты говоришь о нем. Мои люди выкрали купца и отдали Госпоже.

– Энрико? Паршивец! Он мне никогда не нравился.

– Щенок навел на караван. Мне обещали богатую добычу и деньги. А охраны почти не было. Только тот непонятный убил четверых... Я забрал с каравана футляр для свитков и отдал ей. Так приказала она – Госпожа.

– Надо забрать его. Слышишь, Гозаль. Собери своих людей...

– Моих людей нет сейчас в городе. Я оставил их за стеной, они слишком примелькались.

– Ну, ничего, мы и сами справимся, правда? Мы заберем рукописи и убьем твою госпожу. Ты поправишься. Ты убьешь ее? Гозаль?

– Я подарю тебе треть ее крови.

– Да. Сегодня. Вечером.

Гозаль, дерьмочист и мудрец стояли у лаза в подземную канализацию, древнюю, еще с римлян. Жук-дерьмочист обвязывался веревкой. Глянул на мудреца.

– А ты-то куда лезешь, старый. Шел бы спать к колдовке, ночь ведь уже, а она дева добрая, – жук, принялся обвязывать Гозаля.

– Нет-нет, я тоже должен. Вяжи и меня.

– А как застрянешь в проходе, брюхо не протащишь? И мы из-за тебя должны? А устанешь – ползти-то долго?

– Нет, не застряну, не устану... Да не затягивай так туго.

– Хорошо, что у нее дом старый. Дом древний, говорю, у нее, у новых домов дерьмоводов нету. А здесь прямо в подвал под сральню вылезем. Ну что, полезли, что ли. Да, и ро-

том дышите, а то тяжело сначала будет с непривычки.

Трое ползли в полной тьме, дерьме и вони, в клоаке. Довольно долго ползли, даже для дерьмочиста. Вылезли во тьму, в дерьмо и вонь. Они сами стали дерьмо и вонь, после такого.

Жук зажег слюдяной фонарь. Прошли низким подвальным переходом.

– Здесь, – сказал жук. – Вот в эту дыру, а там подвал змеиного дома. Вы идите, я тут подожду. До утра не больше.

– Ладно, дерьмочист, жди. Спасибо за помощь.

– Не за что, – Дерьмочист звякнул гозалевским кошельком. – Было бы золото, а золотарь найдется.

В змеином подвале горел факел. На полу лежала куча. Мудрец упал на нее, чуть не закричал – это был Тадео.

– Господи! Тадео, сдох что ли?

– Ты сомневаешься? – Гозаль шевельнул ногой голову кучи. – Да, это тот купец, которого мы выкрали.

– Бедный Тадео, все хотел чего-то, рисковал. Вроде и денег с торговли имел не мало. Все подмахивал и вашим, и нашим. И императору, и тамплиерам, и, говорят, Саладину, и на нас поработал...

– На кого на вас?

– Еще узнаешь, Гозаль. Позже. Пойдем, вот лестница наверх, кажется.

Кривоногий слуга привел в будуар госпожи позднего по-

сетителя.

– Сударыня!

– Да, мальчик Энрико. Ты так поздно. Все еще не нашел своего дядю?

– Нет, сударыня, но я принес вам все его бумаги, как вы просили.

– Все?

– Да, сударыня, все.

– А те, из тайника в потолочной балке?

– Да... да, конечно!

– Хорошо, мальчик. Я верю тебе. Можешь поцеловать мою руку... Руку, руку, пылкий Энрико... Ах, ты уронишь меня. Можешь поцеловать здесь, и здесь, и там... Что это, Энрико? Фу, какой противный мальчишка! Не торопись, я устроюсь поудобнее. Да не спеши, не спеши ты... дай я сама. Вот так. Теперь можешь... Ах!..

Мальчик Энрико тер свою сударыню, как кобель сучку. Энрико был очень молод, а женщина уже начала терять терпение.

– Госпожа! – Дверь в будуар сударыни распахнулась. В комнату влетел слуга с толстой палкой в руке. Слуга рухнул на пол, а палка покатилась подскакивая и грохоча.

Женщина оттолкнула юнца, вскочила, выхватила неведомо откуда кинжал и прижалась спиной к стене. Она зашипела. Энрико подхватил спавшие штаны и застыл разинув рот. В будуар вошел Гозаль. Черный, весь перемазанный в дерь-

ме, огромный и страшный, с обнаженной саблей.

– Ты звала меня, я пришел, – слуга на полу поднялся на четвереньки, Гозаль рубанул его не глядя. – Ты не рада видеть меня, прекрасная госпожа?

– Ты опять пришел не вовремя, Гозаль.

– Разве? Опустит свой нож, госпожа. Нет, можешь не прикрываться. У тебя, наверное, как раз мокро... как я просил... после этого щенка.

– Уходи, Гозаль, иначе сдохнешь даже раньше того срока, что я отпустила тебе!

– А? Ты приговорила меня? Своей гладкой? Я снова хочу ее. Дай!

– Беги отсюда, дурак, не торопи смерть.

Гозаль подошел к Энрико. Опустил на него медленные глаза.

– Этот мальчик дорог тебе?

– Нет, несколько! Можешь хоть убить его!

– Хорошо.

Гозаль шагнул мимо мальчишки к госпоже, а маленький Энрико стал медленно оседать, разбулькивая кровь взрубленным горлом.

– Почему ты отказываешь мне в том, что так просто даешь этому щенку?

– Ты уже получил то, о чем он не мог даже помыслить.

– Смерть?

– Кончай! Кончай с ней, Гозаль! Пока она не вызвала че-

лядь. Забираем свитки и бежим! – В комнату просунулся воюющий мудрец. – Где ты прячешь рукописи, кобра!

– Поищи, грязная свинья! – Госпожа поднесла левую руку ко рту – раздался пронзительный свист.

– А! Гозаль, руби ее, руби скорее!

За дверью загрохотали шаги. А Гозаль все почему-то медлил. Мудрец схватил масляную светильню и бросил ее на разворошенную постель. Горящее масло разлилось по шелковым простыням и подушкам. Женщина бросилась к изголовью ложа, схватила что-то.

– Бей ее, Гозаль, да бей же! Вот он футляр!

Гозаль, сбросив оцепенение, метнулся к госпоже. Поздно – та змеей скользнула в сторону и прыгнула к двери. Мудрец попытался поймать ее, нелепо растопырив руки, но лезвие кинжала прошло по нему, щедро замутив кровь гадючьим ядом. Старик откинулся назад, не удержался на ногах и сел на пол. Госпожа выскочила из комнаты, и тут же в дверь вломились слуги.

Гозаль гнался за госпожой по коридору, потом по лестнице. Слуги? Где-то отстали, он, кажется, даже не добил их, за его спиной разгорался пожар. Гозаль прыгнул в крытый внутренний двор.

Покойный муж госпожи был бароном, рыцарем, здесь Гозаля ждали воины.

Госпожа забилась в дальний угол двора и выкрикивала что-то неповоротливым латникам. А они не торопились.

К чему? Кто-то переместился вдоль стены и закрыл Гозалю путь назад к лестнице. Пути вперед к главному входу не было, там ждали.

Двор заливал тревожный свет факелов.

Гозаль собрался умирать и бросился вперед. Воины раступились, чтобы не мешать друг другу. Сколько их? Меньше десятка, но этого более чем хватит, было бы где развернуться. А двор у вдовы барона просторный.

Гозаль не успел ничего сделать, даже умереть не успел. Было всего-то пара ударов, простых – верх-низ, верх-низ. И тут ворота со стороны улицы вышибло словно тараном. Тяжелые створки распахнулись, кого-то сбило с ног. В дом ввалились уличные босяки, страшная рвань с клинками в руках. Впереди с ревом, по-носорожьки неся однорукий кряжистый урод без носа. В низкой руке его кривился, задрав острие вверх, широкий шамшер. Урод с разгона вогнал его в чужое кольчужное брюхо и, не замедлившись, пролетел дальше, вперед, топча скрючившийся труп. Рвань и латники рассыпались по двору.

– Кобра! Змея! Где Тадео?! Змеища! – ревел безносый. Он увидел госпожу. – А, вот ты!

– Носорог... – Женщина, кажется, узнала урода. Под прикрытием воинов бросилась к лестнице, обратно в дом. – Взять! Взять!

Носорог почти пробился к змее. Однорукий мог нападать, давить, но защищаться... он не успел чуть-чуть – подреза-

ли. Упал на колени. Саблю прочь – в руке самострел, уже взведенный, только непривычно маленький... Откуда он его выхватил? Тот слуга, что готовился раскрыть Носорогу башку, был пробит навывлет. К однорукому бросился второй – теперь все! И тут (Гозаль готов был поклясться, что произошло чудо) самострел выстрелил второй раз. Болт, припасенный для змеи, достался ее воину. Но Носорог уже не мог дотянуться до нее.

До змеи дотянулся Гозаль. Она уже почти улизнула – он догнал, она метнула кинжал – он уклонился. Она хотела уку-ситься, шипела и извивалась – он зарубил ее, с наслаждением протянув в парном мясе клинок – такая чувственная оття-жечка. Будто кончил.

– Гозаль! Свитки, Гозаль!

Гозаль с недоумением посмотрел на лестницу, в клубах дыма со ступенек сползал рыночный мудрец, весь в дерьме и крови. Гозаль уже и забыл о нем.

– Свитки, Гозаль! Футляр...

О чем он говорит, этот старик? Свитки?

– Возьми футляр на ней, дай...

Гозаль вспомнил. Обшарил падаль, нашел. Потянул фу-тляр у змеи из-за пазухи, тот зацепился за что-то, раскрыл-ся. Свитки рассыпались. Гозаль сгреб их небрежно, сунул обратно в футляр. Все ли? Нет? Протянул футляр старику.

– Нет. – Мудрец покачал головой. – Я уже не смогу, ты сам... Отвези их на Кипр, вот, возьми письмо, там написано

кому... попросишь кого-нибудь, тебе прочтут... Тебе дадут деньги, это важно. Империя... Понял?

– Сколько денег?

– Сколько попросишь... Нет, не иди через двор, сейчас здесь будут храмовники... иди, в подвал, там жук ждет. Прощай.

– Прощай, старик. Не знаю, отвезу ли я свитки, но спасибо тебе, глупый мудрец, за все. Прощай.

Мудрец закатил глаза. Гозаль убежал. Внизу еще рублились.

Тамплиеры появились следом за городской стражей, их было двое рыцарей и десяток сержантов. Уже светало. Нападавшая рвань, те из нее, что оставались в живых, давно скрылись. Стражники принялись тушить пожар. Храмовники быстро прошли через двор.

– Этого мы забираем. – Храмовник показал на истекающего кровью Мудреца. Храмовнику никто не возразил.

В Тампле старика перевязали, привели в чувство. С ним говорили два рыцаря, молодой и старый.

– Ты шпионишь на Византию?

Мудрец разлепил покрытые серым налетом губы.

– Я умираю... в моей крови яд...

– Мы можем найти противоядие.

– Поздно...

– Ты будешь говорить?

– Да... Вы извратили дело Павла, воры, укравшие тайное... Второй Рим, вторая Империя, вечная... Византия... Вы враги дела Высшей Власти, хотите сами... Вам нет... не успеете, мы раньше найдем ее... Я ничего не скажу.

– Глупец. Византия дряхла, она пережила себя. Не люди, не царства, но Сын Божий – вот носитель Высшей Власти. Власть не для правителя, но для Бога. Глупый старик.

– Второй Рим, Град Небесный, Чаша даст сил, из нее черпаем бессмертие власти... Падут народы к ногам Империи, будет Церковь единая, вечная. Пресвитер Иоанн, на престол взойдет и... Господи, умираю я! Прими меня к себе, Господи! Аминь.

– Глупый старик. Пойдем, мой юный брат, надо отдать распоряжения – попробуем перехватить Черного Гозаля по пути в Константинополь.

– А что если у него другая цель?

– Не думаю... Нет, нет, это должен быть Константинополь, интрига идет оттуда.

– Император?

– Конечно нет, это тайный совет, что-то вроде секты гностиков, наверняка последователи Офитов. Знание досталось им от отступников Высшей Власти, еще до падения Рима. Они по-своему расшифровали писания и двигаются своим путем. Что ж, Господь да просветлит заблудших.

– Амен.

К рыцарям подошел послушник. Почтительно склонил го-

лову.

– Наставник, вас спрашивает слуга барона де Ги.

Старший тамплиер в удивлении поднял брови.

– Что понадобилось от меня барону в такой ранний час?

– Что-то случилось с его дочерью леди Джоанной.

– Ой, няня, нянюшка, ой, плохо мне. Ой, плохо... Вчера, как пришли со службы, так и ломит всю, и рученьки и ноженьки так выламывает. А саму то в жар, то в холод бросает, и знобит, и на сердце будто камень лежит, и давит, и давит, и гнет, ой нету моей моченьки... Няня, нянюшка, плохо мне, плохо...

– Батюшка, батюшка, отец... зачем вы так, разве я в чем провинилась. Почему вы так суровы со мной? Батюшка, разве я бы осмелилась послушаться вас. Почему же вы даже не смотрите на меня? Почему молчите? Батюшка, не отнимайте руки, ну скажите, скажите, в чем вина моя! Ну не молчите же, батюшка...

– Братец, милый, поговори хоть ты со мной, ну пожалуйста, братец... Помнишь, как мы ездили в церковь в последний раз... Почему ты уходишь, братец? Ты боишься? Меня? А почему на тебе кольчуга? Братец, для чего вы достали мечи? А эти стражи у моей светелки, для кого они? Для меня?..

– Да, святой отец, я молилась. Я молюсь все время. И плачу. Да, я исповедуюсь с радостью, отче, мне так тяжело... Я все рассказала вам, святой отец, все... Не правда, я не лгу.

Я не лгу! Видит Бог, мне нечего скрывать. Это не гордыня, святой отец, я говорю правду. Правду! Разве вы не благословите меня?

– Господи, защити меня, дай мне сил, Господи! В беде сохрани, и спаси, и научи, что мне делать, Господи. Я люблю тебя, я верю тебе, господин мой, спаситель мой, не покинь меня. Они все ненавидят и боятся меня, за что, Господи? Матерь Божья, к тебе взываю, защити меня. Мама, мамочка! Не оставляй меня, Господи!

– Здравствуй, рыцарь. Кто ты? Как ты проник ко мне? Как странно, я ничуть не боюсь тебя... Ты молчишь. Вокруг меня все молчат... и ты... Я уже давно сижу здесь взаперти. Святой отец сказал, что я одержима дьяволом. Это значит, что дьявол держит меня. Разве это возможно? Разве дьявол это Господь-вседержитель?.. Да? Нет, я не верю в это. Ты лучше не говори мне о дьяволе, я боюсь его. Святой отец говорит, что дьявол приходит ко мне. Но я его ни разу не видела. А святой отец говорит, что этот бесовская гордыня, и что я должна смириться и покаяться. А я уже каялась недавно. Ты часто ходишь в церковь, рыцарь?.. Куда ты? Подожди! Мне так плохо одной. Ты придешь еще ко мне? Нет?.. Постой, я подарю тебе что-то... Вот, это мой шарф, а это мои цвета – белый означает непорочность, а алый – честную кровь. Я еще никому не повязывала свой шарф, рыцарь, еще никто не носил моих цветов... Ах, какой ты холодный, прямо ледяной... и белый как мел... А это... кровь на твоем челе?! Ты ранен!

Боже, а я болтаю всякую ерунду, какая я глупая. Сядь сюда, рыцарь, я помогу тебе, я умею останавливать кровь... правда-правда – меня нянюшка научила. Вот так, теперь твоя рана быстро заживет. А мой подарок будет хранить тебя. И ты храни мой подарок, благородный сэр. И когда ты будешь сражаться с сарацинами во славу Господа нашего Иисуса Христа, пусть этот шарф напоминает тебе обо мне... хоть иногда. Я буду молиться за тебя... А теперь прощай. Прощай, рыцарь.

Всю ночь брат Мизинец метался в забытьи, а брат Безымянный и брат Указательный по очереди бодрствовали у его ложа. Под утро Брат Мизинец уснул – ему снилась испуганная девушка с белыми волосами.

Утром, когда делали перевязку, братья увидели, что страшная рана на голове Мизинца закрылась. А сам он вдруг улыбнулся и прошептал: «Алый... и... Белый».

То, что было дальше, осталось за гранью памяти.

ПЕРЕКРЕСТОК 3

И тогда мы жили на узенькой полоске между Небом и Адом. Между Богом и Дьяволом.

Кто еще делил с нами эту узкую полоску Земли? Эльфы, дварфы, стихийные духи, развенчанные боги, души не нашедшие покоя? Да они, и еще много других. Мы были не одни, не одни в этом мире.

Домовые в курных избах душили нас поленьями после пьянки, полтергейст колотил в замковую кровлю, гули хрустели нашими костями на кладбищах, за деревней караулил Мохнатый Зверь, а из крови убитого врага поднимался мстительный африт. Странные существа, и жили они рядом с нами.

Но ближе всех был, конечно, Дьявол со своими слугами.

– Господом Христом и тем, кто придет судить живых и мертвых, заклинаю! Тебя, если ты здесь, повелитель блох и козел, и одержитель свиней, тебя, Злой, заклинаю – изыди! Оставь эту деву чистую, это тело непорочное! Святым и таинственным именем бога Адонаи, великими и всеильными словами Ом, Обь и буквами D, I, L приказываю тебе и слугам твоим злым, осужденным, проклятым, изгнанным и застигнутым, во имя и по достоинству Бога всемогущего во мгновение ока изыдите все! Прочь! Прочь! Vade retro! Ты, злой

дух Короны, называемый Таумиель, ты двуглавый и архидемон, будь же...

– Замолчи.

Старик склонился над душным широким ложем, над деушкой погруженной в дурманый сон, над Джоанной...

– Замолчи...

На лице старика отразилось усилие – усилие, болезненное напряжение свело его черты в темную маску – тень скользнула по его лицу. Пламя свечей колыхнулось, дрогнуло будто под ветром. Тень косматым ворохом нечесаной овечьей шерсти прокатилась по комнате, метнулась из угла в угол, вздыбилась и разбилась о бронзовый семисвечник.

– Нет... – Старик отшатнулся, оступился, молодой рыцарь поддержал его. – Нет. Убери книгу... она не поможет здесь.

Послушник положил на стол тяжелый том, из которого читал святые экзорцизмы.

– Что с ней, наставник? Одержание или овладение? – рыцарь подал учителю кубок с вином, тот, не отрываясь, выпил. Старик опустил в глубокое кресло. Он смотрел на Джоанну.

– Она одержима. Но не Дьяволом, нет. В нее входит дух, но не злой. Может быть элементар или даже ангел высших сфер из мира Ецира или Брия. Но не враг человеческий – нет... По крайней мере не сейчас.

Старик – храмовник откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Он снова смотрел на нее. Он видел – высокий лоб,

нос, выточенный тончайшим резцом творца, волосы блее покрывала Девы Марии, нежные губы. Губы шептали что-то, глаза следили за невидимым. Она говорила – с кем? Она видела – что? Она жила, но не здесь, не сейчас – где? когда?

И для чего здесь это тяжелое темное распятие.

Ученик тоже смотрел на девушку.

– А может быть, она сама покинула это тело?

– Может быть... – старик открыл глаза. – Где душа ее? В горних чертогах или в адской бездне? На земле? – старик смотрел на ученика. – Я не знаю, что это – проклятье или благословение Божие.

– Ей хорошо сейчас, – сказал молодой, – посмотрите, учитель... Она безмятежна и так прекрасна. Может быть, она ангел, случайно оказавшийся в мире, и теперь она возвращается в высший предел?

Старик вздохнул, усмехнулся, точно скривился от боли.

– Не все так красиво и просто, юноша. Не все так красиво... Я чувствую грязь человеческую – злобу. Злобу и зависть. К леди Джоанне подступила тьма, на нее навели зло. Странно... Но что-то не дает тьме поглотить ее душу. Кто-то защищает ее. Ангел, демон, человек? – старик будто спрашивал у своего ученика.

– Ее сглазили?

– Да, этот что-то вроде обычного заклятия на смерть, но... это не просто порча. Нечто похожее умеют делать магрибские колдуны. Они украли крохи тайного знания из ката-

комб древнего народа гарамантов, живших когда-то у Атласских гор и Египта. От гарамантов остались лишь огромные подземелья под Сахарой и ветхие развалины одного из их городов возле Марзука. Черные колдуны умели подпускать мертвое в живое и живое в мертвое. Заклятие нарушило связь души леди Джоанны и ее тела, эта связь истончилась. Но не полностью, нет, кто-то, как я уже сказал, защитил девушку. Отсюда ее одержимость – кто-то поддерживает ее. А душа покидает тело. Добровольно или нет, не знаю. Опасность в том, что в отсутствие души телом может завладеть кто-то другой.

– Кто?

– Колдун, наведший порчу, демон, просто неприкаянный дух, болтающийся между небом и землей, даже Враг. Вероятно, что-то подобное уже было, от этого припадки и корчи, так испугавшие старого де Ги и всех домочадцев. Связь души и тела очень сложна.

– Как нам... Как нам защитить леди Джоанну?

– Никак. Она находится под покровительством сил больших, чем те, которыми располагаем мы. Кто-то держит ее.

– Держит... Одержимость – благо?

Старик не усмехнулся, не покачал головой.

– Мы все одержимы. Над нами Господь-вседержитель. Под нами Сатана – похититель душ. Кто держит тебя, кто держит меня в этом мире? В борьбе мировых сил мы былинки под ураганным ветром. Без поддержки не выстоим и се-

кунды.

Молодой рыцарь отвернулся.

– Может быть, показать леди Джоанну архиепископу?

Старик поморщился.

– Не думаю, что это поможет. Архиепископ конечно в силах изгнать демона из тела, но вернуть в него душу? Скорее он предаст девушку огню – да, от греха подальше. Ты хотел бы такого для леди Джоанны? Ты, Алан Дедескомб?

– Нет, конечно, нет! Ведь она не зло...

Не зло... То ли вопрос, то ли ответ.

– Она не зло, – как эхо повторил старый храмовник. – Не зло.

– Золото... Золото!

– А?

– Золото, говорю. Тебе говорю, дурень, золото!

– А-а! Золото! Давай.

– На! – раздался звук смачной затрешины. – Ты, говорю, золото гони! Дурень!

– А! О! Да, конечно! Вот вам золото, все золото, сколько вы захотите, все два золотых.

В темноте печально звякнули монеты.

– Проходи! Проходи, дурень, но если тебя кто-нибудь увидит, я первый спущу с тебя шкуру. Если бы сестра мастера сама не попросила, хрен бы я тебя пустил. Иди, дурень, да оглядывайся.

– О, конечно. Я буду незаметен как мышь.

В темной стене открылась узкая щель. Серая фигура шмыгнула в нее, чуть споткнувшись на высоком пороге. Рослый стражник вышел из тени и загородил дверной проем.

– Дурень! Два золотых дал, чтобы к перезрелой толстухе пробраться! И рябая пять дала. Дурни! Любовь, так ее растак!

Страж охранял дом старого расстриги, алхимика и звездочета, знатока мертвых языков и колдовских книг. По здравому разумению чернокнижника давно уже должны были поджарить на медленном огне, но его взяли под покровительство тамплиеры.

Страж зевнул. Сестра у колдуна была действительно толстая и рябая, не говоря уже про ее возраст. Даже и представлять себе не интересно, что проделывает сейчас с ней этот хлыщеватый дурень. Страж зевнул снова.

А хлыщеватый дурень уже миновал дверь в спальню рябой толстухи и пробирался дальше по коридору к лестнице. Лестница привела его наверх в башенку, в кабинет колдуна. Если бы стражник задрал голову и глянул на дом со стороны, он, конечно, заметил бы свет в узком окошке на самом верху, но стражу было не до этого, он снова зевал.

В башне дурень нашел старый пергамент, густо покрытый греческим письмом. На пергаменте была свежая копоть. Рядом с пергаментом на столе лежала тетрадь, исписанная какими-то хитрыми значками и покрытая многочисленными

помарками. Еще на столе была кипа разных книг, таблиц, алфавитов и прочей писанины. Дурень начал рыться в этой груди, то и дело сверяя найденные листы с текстом старого пергамента.

Дурень нашел то, что искал, на стенной полке. Это был новый свиток с переписанной набело расшифровкой греческого.

Странный визитер достал из-за пазухи чернильницу, короткое перо и кусок плотного холста.

На лестнице скрипнула ступенька – человек резко обернулся, замер. Нет, все тихо. Придвинув лампаду, дурень принялся торопливо переписывать текст со свитка на холст.

Через час пергамент был переписан. Дурень ждал, когда высохнут чернила. Вдруг с улицы донесся шум. Под окном загремели копыта, лязгнуло железо. Дурень выглянул в окно – у дверей дома спешился разъезд храмовников. Решительный рыцарь оттолкнул сонного стража и бросился в дом, за ним еще трое.

Дурень отпрянул от окна, быстро задвинул крепкий засов на двери кабинета. Рыцари уже грохотали по лестнице. Дурень вытащил из мешочка на поясе овальный камень-голыш и принялся плотно обматывать его исписанным холстом, стягивая ткань суровой нитью. Рыцари уже ломались в дверь.

По узкой лестнице, через люк в потолке дурень выбрался на плоскую крышу башенки, откуда хозяин дома наблюдал

небесные светила. Привалил крышку люка каким-то медным астрономическим прибором. Дверь в кабинете трещала под тяжелыми ударами тамплиеров.

Дурень снял с пояса кожаную пращу. Вложил в нее сверток с камнем. Дверь внизу рухнула, храмовники застучали в крышку люка. Дурень размотал пращу.

Когда его повалили, камень с расшифрованным греческим текстом уже перелетел через два ряда домов и упал на соседней улице.

Может быть, его там ждали?

Наверняка ждали, потому что через несколько дней холст с переводом уже лежал перед Аль-Джеббелем Старцем Горы.

А ночью Старец говорил своим деям.

– Чаша есть Грааль. Она собирает Свет Мухаммада. Божественная эманация Чаши укажет скрытого имама. За Граалем идет охота разных подлунных сил и начал. Чаша не может больше шести дней находиться на одном месте. Почему – знает Аллах. В послании говорится, что на седьмой день пребывания Чаши без движения произойдет нечто страшное, и Грааль уйдет из кругов этого мира. Еще в послании сказано, что Чаша должна пребывать в сфере Трижды святой Земли. Мы исчислили эту сферу – в ней тысяча триста семьдесят восемь истинных фарсангов... Что скажете на это вы, посвященные деи?

Посвященные деи помолчали для начала, ибо мудрость

неспешна. А потом посвященные деи сказали.

– Велика сфера, ай-ай-ай, велика. Это Аравия, Сирия, Египет, Палестина, Киликия, Армения, это города, селения, пустыни, горы и бездонное море, в коем Аллах омывает бороду. Ловить неостановимо движущуюся в этих пределах Чашу, равно что ловить пылинку, влекомую ветром по красной пустыне. Великая задача! – Сказали посвященные деи. – И великое решение!... Грааль у купцов. У купцов, у купцов – да поправит невежду Аллах. Только купцы все время в пути. Только они, несмотря на войны и беды земель, ходят из города в город, из страны в страну не задерживаясь подолгу на месте. Чаша у купцов. И скорее всего у купцов еврейского племени. Да, да! Не иначе! Всеми статьямы выходит, что так! То-то мы все не можем ее отыскать! И даже тамплиеры спасовали! А она кочует с жидами! Ай-ай-ай! Да содеет что-либо Аллах!

Так сказали посвященные деи. И еще сказали.

– Но у кого из них? Купцов сотни. Они бороздят эту сферу вдоль и поперек. У какого купца хранится Чаша? Кто знает? Разве Аллах.

– И какая она, эта Чаша? В купеческих караванах сотни чаш, блюд, кувшинов, разных невиданных товаров и горшков – как нам найти среди них нужный? Кто укажет нам на Чашу? Аллах?

Так и еще по-разному и много говорили посвященные деи, а потом стал говорить Старец.

– Чаша сама укажет нам на себя. С этой ночи все караваны в пределах очерченной сферы должны быть досмотрены нами. Все, особенно в окрестностях Иерусалима. Силой, хитростью, кровью или золотом, открыто или тайно, с помощью шпионов или воинов, но мы должны проверить всех купцов и добыть Грааль. Аллах милостивец – Чаша сама придет к нам в руки, нужно только суметь взять. Идите, деи мои! Идите и ведите своих федаи, готовьтесь к новой тайной войне... Я назову ее Война Караванов.

– Воевать с купцами? Но что скажет регент, король, Саладин? Ведь заключен великий мир! А убытки?

Капитул ордена Храма был смущен, но только не Великий магистр. Жерар да Ридефор никогда не боялся заплатить полную цену, особенно если товар того стоил. А сейчас речь шла о Чаше.

– Это Грааль. Священный Грааль. В нем была кровь Христа. В нем средоточие власти Царя Земного и Небесного. Я... Орден должен обрести эту власть. Вместе с Чашей.

Капитул молчал, но...

– Но правильно ли наш чернокнижник перевел этот дьявольский свиток из дома ведьмы? И как все-таки быть с караванами?

– Разбойники не заключали мира с султаном. Если бандитские шайки будут нападать на купеческие караваны, кто посмеет обвинить короля Иерусалимского и Орден Храма?

Кроме того независимые бароны ходят в походы без уведомления Высокой палаты. Если Саладин захочет сам покарать нарушителя перемирия, кто осудит его? Может быть вы, сенешаль? Капеллан? Нет?

– Что касается расшифровки тайного списка... Древние тексты всегда туманны, но я думаю, что сейчас двойного толкования быть не может. Наш колдун разгадывал загадки и потруднее греческой тайнописи. Мы будем искать Чашу в караванах. У купцов, которые всегда в пути. Пусть это даже будет стоить нам мира с Саладином.

– А теперь помолимся, братья мои во Храме. Помолимся за души невинных купцов и караванщиков, и да удостоит Господь малых сих лучшей участи... после жизни.

Малые стремятся к объединению, наводят узы и связи, и породняются (и все, что подобно этому) духом и телом, тщась через величину обрести величие. Малые стремятся понять друг друга, и узнать, и найти общее что-то, что есть меж ними и у них, пусть это даже всего лишь разрез скул или название их члена либо бога. Малые собираются вместе, ибо они малы. Но величие нельзя поделить или умножить на количество людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.